

Информация для цитирования:

Корсаков К. В. Зарождение и эволюция уголовного наказания как социально-юридического феномена // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2024. Вып. 3(65). С. 494–515. DOI: 10.17072/1995-4190-2024-65-494-515.

Korsakov K. V. *Zarozhdenie i evolyutsiya ugolovnogo nakazaniya kak sotsial'no-yuridicheskogo fenomena* [The Genesis and Evolution of Criminal Punishment as a Socio-Legal Phenomenon]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2024. Issue 3(65). Pp. 494–515. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2024-65-494-515.

УДК 343.9

DOI: 10.17072/1995-4190-2024-65-494-515

ЗАРОЖДЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ КАК СОЦИАЛЬНО-ЮРИДИЧЕСКОГО ФЕНОМЕНА

К. В. Корсаков

Институт философии и права УрО РАН

E-mail: korsakovekb@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 06.05.2024

Введение: проблема генезиса и эволюционного развития уголовного наказания как социального и правового явления на протяжении длительного времени относится к числу актуальных, особенно в периоды сверки целеполагания и переориентации уголовной политики и реформирования пенитенциарной сферы. **Цель:** на основе результатов проведенного исследования вскрыть и осмыслить причины и условия формирования уголовного наказания как феномена социально-правовой действительности, выявить закономерности его развития на протяжении тысячелетий и определить его роль в общественном прогрессе. **Методы:** методологическую основу исследования составили распространенные парадигмы и эпистемы наук уголовного права, криминологии и пенологии, а также общенаучный и частнонаучный методологический инструментарий: сравнительно-исторический метод, методы ретроспекции, компаративистский, функциональный, логико-семантический методы. **Результаты:** уголовное наказание сыграло недооцениваемую в аксиологии роль такого поведенческого ограничителя, благодаря которому пролегла и отчетливо обозначилась черта, водораздел между человеческим обществом и его предтечей – зоологическим стадом. Уголовное наказание, возникшее на начальных этапах антропогенеза, социогенеза и правовогенеза, является важным и недооцениваемым достоянием на пути цивилизационного прогресса, способствовавшим переходу жившего в условиях животной дикости предчеловека (члена зоологического стада) в социального индивида, субъекта сформировавшегося общества – первобытной родовой общины. **Выводы:** закономерности формирования и развития уголовного наказания показывают, что оно становится менее репрессивным и постепенно гуманизируется по мере социально-культурного, политико-правового и духовно-этического развития человечества. Уголовное наказание эволюционирует и претерпевает содержательные изменения в зависимости от социально-экономических, морально-нравственных и политических условий. Перемены в последних приводят к изменениям в целях, формах, механизме воздействия и идейных основах уголовного наказания, модифицирующим пенитенциарную практику, которая в настоящий момент в большей степени ориентирована на предупреждение преступного поведения, ресоциализацию и исправление преступников и использование альтернативных изоляции от общества видов уголовного наказания.

© Корсаков К. В., 2024

Ключевые слова: уголовное наказание; правогенез; древнее общество; социогенез; общественные регуляторы; пенология; юридическая антропология; пенитенциарная практика; правовое развитие; аксиология уголовного права; охрана общественных отношений

ORIGIN AND EVOLUTION OF CRIMINAL PUNISHMENT AS A SOCIO-LEGAL PHENOMENON

K. V. Korsakov

Institute of Philosophy and Law, UB RAS

E-mail: korsakovekb@yandex.ru

Received 06 May 2024

Introduction: the problem of the genesis and evolutionary development of criminal punishment as a social and legal phenomenon has long been among the relevant issues, especially during the periods of the clarification of goals and reorientation of criminal policy, during reforms in the penitentiary sphere. **Purpose:** based on the results of the conducted research, to reveal and analyze the causes and conditions of the formation of criminal punishment as a phenomenon of socio-legal reality, to identify regularities in its development over millennia, and to determine its role in social progress. **Methods:** the methodological framework of the study is based on widespread paradigms and epistemes of the sciences of criminal law, criminology and penology, as well as general scientific and special scientific methodological tools: comparative-historical, contrastive, functional, logical-and-semantic methods, the method of retrospection. **Results:** criminal punishment played a role, underestimated in axiology, of a behavioral limiter thanks to which there was laid and clearly outlined a 'watershed' between human society and its forerunner – the zoological drove. Criminal punishment, which appeared at the initial stages of anthropogenesis, sociogenesis and legal genesis, is an important and underestimated achievement on the path of civilizational progress. It contributed to the transition of a prehuman being (a member of a zoological drove), who lived in conditions of animal savagery, into a social individual, a subject of a formed society – a primitive tribal community. **Conclusions:** the regularities in the formation and development of criminal punishment show that it becomes less repressive and gradually gets more humanized with the socio-cultural, political, legal, spiritual, and ethical development of mankind. Criminal punishment evolves and undergoes substantive changes depending on the socio-economic, moral, and political conditions. Changes in the latter lead to transformations in the goals, forms, mechanism of influence, and ideological foundations of criminal punishment, modifying penitentiary practice, which is currently more focused on the prevention of criminal behavior, the re-socialization and correction of criminals, and the use of the types of criminal punishment that are alternative to isolation from society.

Keywords: criminal punishment; legal genesis; ancient society; sociogenesis; public regulators; penology; legal anthropology; penitentiary practice; legal development; axiology of criminal law; protection of social relations

Введение

Тщательная научная реконструкция генезиса и формирования уголовного наказания как правового института и части системы социального регулирования имеет важное значение как для пенологической науки и уголовного права, так и для современной юриспруденции в целом, так как эту проблематику до сих пор отличают широкая дискуссионность, противоречивость имеющихся воззрений и непреодоленные пробелы в изучении, осложняющие верное, непредвзятое постижение и объективную научную оценку уголовного наказания как многогранного и эволюционирующего социально-правового феномена: его истоков, оснований, предназначения, сущности, целей, ориентиров и перспектив дальнейшего развития.

Во многих научно-исследовательских работах, посвященных вопросам пенологии, публичного права и истории человечества, предпринимались попытки поиска и фиксации времени возникновения и начала использования уголовного наказания, что осуществить, безусловно, непросто. В частности, Ф. Баггл приходил к выводу о том, что «...с большой степенью вероятности можно утверждать, что с библейских учений начинается период наказания» [68, р. 25], однако это утверждение не совсем корректно: так, например, такой вид наказания, как лапидация (забрасывание камнями) широко применялся в среде семитских племен еще в языческие времена, задолго до появления библейских учений (именно от этого древнего наказания Иисус Христос спас женщину, обвиненную в прелюбодеянии, сказав фарисеям и книжникам:

«Кто из вас без греха, первый брось на нее камень» (Евангелие от Иоанна: 8.2-11), а крайне важная для развития института наказания формула – запечатленный в Ветхом Завете (Книга Исход: 21.23-25, Книга Левит: 24.19-20) закон (принцип, правило) талиона – существовала у кочевых западносемитских племен аморреев (аморитов, сутиев) в начале II тыс. до н. э. Именно в это время они вторглись в Междуречье и завоевали Вавилон, привнеся в Месопотамию свои древние правовые обычаи, которые позже нашли отражение в законах царя Хаммурапи, включая принцип талиона, неизвестный до прибытия завоевателей – западных семитов – народам Древнего Двуречья (убайдцам, шумерам, аккадцам и др.).

Генезис уголовного наказания

Современные археологические исследования дают ценный и уникальный материал о возникновении первых форм карательной практики и свидетельствуют о том, что наказание имеет тысячелетнюю историю своего применения. В частности, в 2012 году во Франции возле эльзасского города Бергхайм была обнаружена яма, наполненная человеческими костями: в ней лежали скелеты людей разного пола и возраста (включая младенца не старше 1 года и подростка 12–15 лет) с отрубленными руками. Эксперты установили, что это останки праиндоевропейцев и им не менее 6 тыс. лет, а руки были отрублены топором либо ножом сильными и выверенными ударами. Часть французских ученых предполагает, что нанесенные повреждения были причинены не в бою и не в связи с каким-либо ритуалом жертвоприношения или же медицинским вмешательством, а являлись следствием намеренного и подчиняющегося определенной логике наказания в рамках «коллективной формы ответственности» [67, р. 91]. Схожие причиненные с использованием оружия насильственные повреждения были обнаружены археологами на человеческих останках, датируемых эпохой позднего палеолита и мезолита (10 тыс. – 5 тыс. лет до н. э.), в разных частях Земли [11, с. 311–312].

Конечно, прообразы, зачатки уголовного наказания и его эмбриональные, первоначальные формы возникли не в одночасье и не на *tabula rasa*. Им предшествовали реакции на какие-либо вредоносные и опасные действия, проистекающие из врожденной формы поведения живых существ – инстинкта самосохранения, акты рефлекторного (бессознательного) характера на внешние раздражители: нападки, угрозы, посягательства, которые мы можем наблюдать и у подчиняющихся инстинктам высших животных: они также преследуют, умерщвляют и изгоняют из своих стад особей, являющихся по каким-то причинам источником опасности, вреда, боли, страха. Такие акты в среде животных, несомненно, нельзя признавать наказанием, так как оно – рассудочное явление, возможное при определенном развитии интеллекта и

присущее только человеческому общежитию, хотя есть исследователи, которые считали иначе: так, немецкий цивилист Г. Данкварт утверждал, что наказание «мы встречаем еще в мире животных, из коих каждому присуща склонность разрушения; реакция возбужденного инстинкта разрушения над вызвавшей его причиной и образует наказание, которое мы называем отмщением» [8, с. 39].

Однако первообраз наказания формируется лишь тогда, когда эти ответные, ретроспективные и реактивные действия начинают носить сознательный и публичный характер, когда, помимо отплаты, отмщения начинают быть направленными на то, чтобы обезопасить и уберечь себя от повторного зла. Как писал об уголовном наказании А. Ф. Кистяковский, «оно есть плод присущих человеку первобытных свойств, а не изобретено путем философской мысли; оно вызвано к жизни самыми элементарными, самыми первичными потребностями и целями человеческой природы. Конечная цель наказания, от первого момента его появления и до наших дней, была и есть одна и та же... Цель эта есть: самосохранение» [27, с. 696–697].

Подчеркнем, что данное назначение уголовного наказания продолжает сохраняться и в современном обществе, которое до сих пор обеспечивает свое сохранение путем активного использования и перманентного совершенствования института уголовного наказания, и в этом отношении нельзя не признать правоту И. М. Мацкевича, заметившего, что «борьба общества с преступностью сродни борьбе добра со злом. Она вечна. Может быть, лишь в этой борьбе проверяется готовность общества к выживанию в современном мире» [37, с. 415]. Несмотря на многие исторические, культурные, духовно-религиозные, национальные и социально-экономические различия и особенности, оказывающие влияние на уголовно-правовую и пенитенциарную системы разных стран и народов, тысячелетняя правовая история человечества в целом предстает перед нами именно как непрерывная и решительная борьба за самосохранение, причем в отдельные периоды истории во имя спасения себя общество в этой борьбе использовало самые жестокие, бескомпромиссные и кровавые способы.

Помимо осознанного характера, отличающего их от защитного поведения животных, важной трансформирующей чертой таких возмездных акций и поступков, изначально носивших характер частной, неорганизованной и стохастической мести, является публичность (коллективность). После долгих рассуждений и раздумий по этому вопросу профессор Ришельевского лицея В. А. Линовский сформулировал краткий, простой и одновременно очень удачный тезис, указывающий на эту сторону рассматриваемых нами сложных социальных явлений: «Возмездие, употребленное против нарушителя самим обиженным, называется мстью; если же оно совершено обществом, то получает название наказания» [35, с. 87]. Примечательно, что в языках многих народов древности уголовное

наказание и месть назывались одним и тем же словом, например, у древних римлян уголовное наказание обозначалось словом "vindicta" – «месть» [38, с. 7].

Публичность таких ретроспективных акций, помимо внешней стороны – осуществления их «всем миром», сообща, по воле всей общины – имеет «внутреннюю» сторону, которая также очень важна: эти карательные действия осуществлялись по причине исходящей от нарушений опасности, которая постепенно начала осознаться (поначалу полуинстинктивно, расплывчато) не только каким-либо конкретным потерпевшим, а всеми общинниками, то есть в архаическом социуме появились первые, полубессознательные и неразвитые коллективные представления об общей угрозе, о вредоносности нарушений и посягательствах для всех его членов, о том, что в современном уголовном праве называется *общественной опасностью преступления*.

Следует определить и осмыслить, что придало исходящим из глубин инстинктов, беспорядочным индивидуальным актам мщения публичный и регулярный характер, превратило их в наказание от имени всего формирующегося социума – первобытной общины, сообщества древних (архаических) людей. Существование в условиях эволюционирующих первобытных коллективов на заре цивилизации было невозможно без нарушений чьих-либо интересов, без конфликтных ситуаций как внутри таких сообществ, так и по большей части между ними; эти конфликтные ситуации относятся к разряду витальных и естественных обстоятельств, которые С. С. Алексеев, разрабатывая вопрос о генезисе права, назвал «правовыми ситуациями», то есть ситуациями, «требующими для своего решения права»: это, писал он, «есть исходный пункт права, <...> с этого «начала начал» в мире права все начинается» [2, с. 28, 39]. Повторяемость и распространение таких ситуаций в развивающихся и постепенно вступающих в социальную жизнь общностях формировала ощущающуюся всеми общинниками потребность в совместном реагировании на них, в проявлении общей воли, основанной на механической (примитивной) солидарности и всеобщем равенстве в условиях стихийного (природного) коллективизма и эгалитарности; насущная и осознанная необходимость в их коллективном разрешении привела к образованию наказания в истории человеческой цивилизации.

Угрожающие и наносящие вред первобытным сообществам нарушения, лежащие в основе ситуаций конфликта, могли быть самыми разными (это и уклонение от участия в общих военных акциях (обороне, нападении) в отношении чужих враждебных коллективов, и отказ от участия в совместной охоте, и нежелание делиться добычей с сородичами, и похищение женщин, и оскорбление религиозных чувств (известный исследователь религии С. А. Токарев считал, что зачаточные религиозные верования существовали уже у неандертальцев [44, с. 93]) и мн. др.), но их

вполне можно назвать преступлениями, как это делали ученые, представляющие разные эпохи развития пенилогической мысли, в частности, Н. С. Таганцев, писавший: «жизнь всех народов свидетельствует нам, что всегда и везде совершались и совершаются деяния, по разным основаниям не только признаваемые недозволенными, но и вызывающие известные меры...» [52, с. 1], генеральный прокурор ГДР и криминолог Й. Штрайт, указавший, что «сколько помнит себя человечество, всегда отдельные люди или группы людей нарушали правила...» [64, с. 17], и Э. А. Поздняков, отметивший, что «преступность родилась вместе с человеком» и «она присуща только человеку как homo sapiens» [46, с. 11].

Нельзя не уточнить, что большая часть представителей советской уголовно-правовой теории, во многом опираясь на работы основоположников марксизма-ленинизма, полагала, что преступность и наказание возникли с появлением государства, разделением общества на классы и образованием частной собственности: так, например, И. И. Карпец в своем фундаментальном труде «Наказание. Социальные, правовые и криминологические проблемы» писал: «Преступность как социальное явление есть порождение общественных отношений, обусловленных расчленением общества на антагонистические классы, возникновением государства и частной собственности на средства производства» [23, с. 9], однако современные отечественные криминологи и пенологи, основываясь на данных антропологической, археологической, социологической и этнологической наук, считают иначе: в частности, Ю. М. Антонян пишет, что преступность – это непреходящее явление и «преступления совершались постоянно, даже во время первобытного общества и на этапах его перехода к иным формациям...» [4, с. 122], Х. Д. Аликперов также формулирует вывод о том, что «наказание было известно и при первобытнообщинном строе» [3, с. 40].

Уголовное наказание было порождено не столько жизненной потребностью, сколько социальной необходимостью, и вполне естественно, что ради сохранения себя люди эпохи архаики использовали самые жестокие, беспощадные и дикие в понимании современного человека методы. «У дикарей жестокость есть средство борьбы и обеспечения себя... Жестокость у дикарей, по условиям их быта, играет роль обыкновенного средства в борьбе за существование», – констатировал Л. Е. Владимиров [12, с. 146]. Однако, по нашему мнению, нельзя не согласиться с Н. Руланом в том, что все эти жестокие, безжалостные и кровавые меры преследовали важную в социальном отношении и оправдывающую их цель: они были направлены «не на то, чтобы разрушить жизнь, а больше на то, чтобы заставить уважать ее» [50, с. 174].

Любопытны мысли Ч. Беккариа о справедливости как связи частных интересов, наказании и дообщественном состоянии человека: «Под справедливостью я понимаю не что иное, как связь, необходимую для

объединения частных интересов, *без которой восстановилось бы прежнее внеобщественное состояние* (курсив наш. – К. К.). Всякое наказание, не вызываемое необходимостью сохранить эту связь, несправедливо по своей природе» [7, с. 91]. Небезынтересен и тот факт, что как в момент своего появления на заре человеческой цивилизации, так и в современном нам обществе преступление прежде всего воспринимается как антиобщественное и общественно опасное явление, стимулами которого выступают личные, индивидуальные потребности и нужды, а основными «сдерживателями» – социальные факторы, одним из которых является наказание.

Наказание как инструмент борьбы социального с биологическим в процессе становления человеческого общества, как выражение коллективной воли, обладающее имманентным ему устрашающим (превентивным, дрессирующим) эффектом, сдерживающее и обуздывающее проявления животной агрессии, эгоизма, произвола, нарушающего коллективную солидарность и спаянность зоологического индивидуализма, культа силы, присущего сообществам животных и высших приматов, сыграло недооцениваемую в аксиологии роль такого поведенческого ограничителя, благодаря которому пролегла и отчетливо, явственно обозначилась черта, водораздел между человеческим обществом и его предтечей – зоологическим стадом. Именно поэтому уголовное наказание, возникшее на начальных этапах антропогенеза, социогенеза и правогенеза, следует считать важным достоянием на пути цивилизационного прогресса, способствовавшим переходу жившего в условиях животной дикости предчеловека – члена зоологического стада в социального индивида, субъекта сформировавшегося общества – первобытной родовой общины (коммуны), поставившего заложенные природой инстинкты на сознательную основу и осуществляющего деятельность по своему жизнеобеспечению в социально организованных формах. Прогрессивная роль уголовного наказания в эволюции человека, в становлении общественной жизни и складывании общечеловеческой культуры позволяет ставить его в ряд важнейших и наиболее ценных социально-культурных феноменов.

Наши выводы во многом согласуются с антропологическими концепциями образования человека современного типа XX–XXI вв., в частности, с взглядами известного антрополога Я. Я. Рогинского и теорией Б. Ф. Поршнева, изложенной в трактате «О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии)» [47] и объясняющей формирование человека современного типа межиндивидуальными отношениями и появлением языка как особой сигнальной системы, призванной пресечь либо предотвратить потенциально опасные действия врагов, а также отличать «своих» и «чужих».

Следует уточнить, что переходной формой между зоологическим стадом предлюдей и первобытной

родовой общиной в науке традиционно считается первобытное человеческое стадо. По мнению специалистов в сфере первобытности Ю. В. Бромлея, В. Р. Кабо, Г. Д. С. Мэйна, А. И. Першица и Ю. И. Семёнова и др. [40, с. 11–52], на данном этапе первобытно-общинной формации ограничиваются внутрилииджевый промискуитет, инцест как форма инбридинга (инцухта), каннибализм, убийства членов своего коллектива, появляется система табу и наряду с ней образуются обеспечиваемые санкциями первые позитивные нормы поведения. Однако существуют и противоположные взгляды: так, согласно точке зрения В. П. Алексеева и разделяющего ее Э. В. Георгиевского, «отсутствие коллективного мозга в первобытном стаде со всей очевидностью свидетельствует и об отсутствии общественных санкций, применяемых к лицам, осуществляющим различного рода посягательства» [13, с. 54].

Выделяя три этапа эволюции института наказания в первобытном социуме (эпоху кровнородственной общины, период позднеродовой общины и фазу позднепервобытной общины), А. А. Шепталин добавляет, что «до неолитической эволюции институт наказания развивался в рамках мононорматики, включавшей в себя нерасщепленные морально-этические, религиозные и правовые нормы» [63, с. 170]. Мы не можем согласиться с такой точкой зрения, так как теория мононорматики (неотдифференцированности, индискретного сочленения, слитности и неразличимости в первобытном обществе правовых, религиозных и нравственных норм), разработанная историком и этнографом А. И. Першицем, была не только опровергнута многими учеными-правоведами, включая С. С. Алексеева, обратившего внимание на то, что явление «мононорматики» характерно и для современной системы социального регулирования, императивы которой часто объединяют в себе и религиозные, и моральные, и правовые предписания (являются таковыми одновременно) [1, с. 26], но и сам А. И. Першиц признал неверной свою теорию в части расщепления мононорм лишь в классовом обществе, указав, что публичное право оформилось уже в эпоху позднепервобытной общины [29, с. 28]. Также следует иметь в виду, что у теории мононорматики существуют – обосновывавшиеся видными антропологами, этнологами, социологами и историками – достойные альтернативы: Э. Дюркгейм и Г. Оппенгеймер характеризовали первобытную нормативную систему как религиозную, а религию считали самым первым социальным явлением, из которого лишь впоследствии выделились право и мораль, Б. Малиновский доказывал, что нормы первобытных общин были по своей сути правовыми, а С. А. Токарев называл первобытную систему норм моралью, и именно она, по его мнению, была первым социальным регулятором, от которого затем отпочковалось право [42, с. 80; 75, р. 613–622]. Мы же полагаем, что абсолютная синкретичность тут невозможна, а

рассуждающий о неразрывном единстве в «мононорме» проявлений юридического, религиозного и морального тем самым уже подразумевает и презюмирует социальное бытие таких проявлений, и нет нужды доказывать их существование в единой «мононорме» на основании сопоставимости последних с современными общественными регуляторами – правом, моралью и религией, зародышами и зачатками которых они выступают. Подчеркнем, что первые социальные нормы преимущественно обеспечивались не моральными (силой общественного мнения, чувством стыда или угрызениями совести) и религиозными санкциями (хотя компонент сакрального, культового в них, безусловно, присутствовал), а строгими и суровыми публичными (протоправовыми) санкциями в виде наказаний, что хорошо прослеживается на примере института табу.

Именно наказание на начальных фазах своего развития обеспечивало одну из первых нормативных систем, известных человечеству, – табуитет (термин «табу» был взят учеными из полинезийского языка, в котором это слово означает «отмеченный», «выделенный» и используется в рамках особой системы запретов (интердикций), обнаруженной в 1771 году у жителей островов Полинезии членами экспедиции Д. Кука). Неотъемлемыми элементами табуитета являются страх перед неизбежным возмездием, карой за совершение запрещенных (табуированных) действий и вера в то, что нарушение самых строгих и важных табу неизбежно навлечет кару не только на самого нарушителя, но и на всю общину; в силу этого, стремясь обезопасить себя, община чаще всего стремилась отторгнуть, отсечь от себя нарушителя, удалить его из своих рядов и наложить запрет (табу) на общение и всяческие контакты с ним. В отсутствие сложившейся и зрелой нормативной системы морали (нравственности) именно страх перед неотвратимой карой, наказанием обеспечивал и стимулировал социально одобряемое (позитивное) поведение и формировал мировоззренческие установки на послушание, соблюдение самых первых поведенческих норм.

Глубоко изучивший табуитет с позиций своей психологической теории З. Фрейд писал, что «первые системы наказания человечества связаны с нарушением табу», «кто преступил табу, сам благодаря этому стал табу» [57, с. 40], то есть превратился в преступника, отщепенца, изгоя. Табуирование преступника обуславливает возникновение одного из первых видов наказания – изгнания из социума (общины). Подчеркнем, что это не лишенная логики и меры и не произвольная расправа, а упорядоченная форма воздействия на нарушителей запретов, заранее определенная общественная санкция, знание и понимание сути которой (изгнание человека из первобытного коллектива в ту пору обрекало его на верную гибель) останавливали индивидов от совершения

запрещенных действий. Этот древнейший пенитенциарный шаблон подтверждает мнение Г. В. Мальцева о том, что «на первоначальных этапах развития человеческого общества, когда существовали простейшие и примитивные формы социальной организации во взаимоотношениях членов первобытной общины, уже отмечались определенные регулярность и порядок» [36, с. 19]. На раннее начало процессов регламентации и упорядочивания сферы уголовных наказаний обращал внимание и А. Ф. Кистяковский: «Вместе с зарождением обществ начинается ограничение или качественное уменьшение смертных казней: область уголовного права отделяется от области права войны, устанавливаются правила, запрещающие казнить без различия, словом, вводится известная система и известная правильность» [25, с. 267]. При этом следует учитывать, что в периоды существования как раннепервобытной, так и позднепервобытной общин, естественно, еще не было выработано ни единой и упорядоченной системы карательных санкций, ни фиксированной шкалы наказаний, контур и черты которых начинают формироваться с появлением потестарных (вождества, конунгства и пр.) и государственных образований.

Важным при анализе древних социальных практик изгнания (удаления) является то обстоятельство, что преступивший закон сам объявлялся вне закона: изгнанника мог безнаказанно убить каждый при встрече с ним, изгой (впоследствии в истории уголовного права разных народов получавший различные наименования: *bannitus*, *caput lupinum*, *exilic*, *vogelfrei* и пр.) лишался защиты и покровительства со стороны своей общины и права быть отомщенным в случае его убийства или ранения: ставя преступника вне общественной защиты, вне своего жизненного уклада, коллектив изгонял его из своей среды [32, с. 49; 58, с. 98–102]. К рассмотрению изгнания как формы общественной репрессии прибегал Ф. Ницше, писавший про изгнанного преступника: «...гнев общины снова возвращает его в дикое и незаконное состояние, от которого он был доселе защищен: община исторгает его из себя и теперь он открыт всем видам враждебных действий» [41, с. 274], а Р. Р. Черри «провозглашение на собрании... приговора о поставлении вне закона (*outlawry*)» [60, с. 23] называл предтечей уголовного процесса. Уголовно-правовой институт изгнания (удаления) преступника, принимавший по мере развития и трансформации разнообразные формы (поток, абречество, высылка, остракизм, херем, банниция, проскрипция, релегация, ссылка и др.), существовал в арсенале пенитенциарных средств многих государств мира на протяжении тысячелетий и продолжает использоваться в настоящее время.

Другой не менее древней формой наказания, возникшей в период родоплеменного строя, была кровная месть, к изучению которой обращались не только ученые-пенологи и правоведы, но и многие антропологи, социологи, историки и этнологи (Ф. Боас,

Л. Леви-Брюль, К. Леви-Стросс, Л. Морган, М. Мосс, А. Радклифф-Браун, Э. Тайлор, Д. Фрэнгер и др.). Именно с появлением кровной мести в правовой истории человечества видный советский теоретик права Е. Б. Пашуканис связывал происхождение уголовного права [45, с. 160], а о древности обычая кровной мести Л. Г. Морган писал: «преступление убийством так же древне, как и человеческое общество, и наказание за него в порядке мести кровных родственников так же древне, как и само преступление» [39, с. 46–47].

Кровомщение является межсоциорным явлением, оно невозможно внутри родового коллектива и выступает частью системы коллективной ответственности, когда за проступок одного человека отвечают его кровные родственники [21, с. 214]. Иные его специфические особенности заключаются в том, что оно строго не регламентировано и не знает границ, часто не соизмеряется с нанесенным преступником вредом (за насилие в виде ранения, истязания, похищения и т. д. может последовать убийство), направлено не только против самого виновного, но и против любых представителей его семьи (рода, клана). С другой же стороны, кровная месть выступает элементом сложного механизма коллективной борьбы за самосохранение: нанесенный вследствие преступного посягательства вред нарушает паритет, изменяет соотношение сил и ослабляет общину, в которой ее безопасность и безопасность каждого отдельного ее члена неделимы, а безнаказанность и безответность вызывают новые, опасные для кровнородственной общности, враждебные акции, которые могут привести к ее истреблению и исчезновению. Именно поэтому кровная месть – это не столько правомочие потерпевшей стороны, сколько ее обязанность, и уклонение от таковой считалось большим позором, проявлением слабости и бесчестия: «кто не мстит за тяжкую обиду, ему или членам его семьи причиненную, тот признается позорным, оскорбляющим божество и нарушающим свой долг по отношению к обществу», – отмечал И. Я. Фойницкий [56, с. 5].

Кровная месть известна уголовно-правовой истории почти всех народов, она нашла свое отражение не только в области юридических обычаев и традиций, но и во многих религиозных и этико-философских учениях, в частности, ученик Конфуция Мэн-цзы (Менций) проповедовал: «Когда человек убил отца другого человека, то другой убьет его отца, когда человек убьет брата другого человека, то другой убьет его брата» [33, с. 54]. Кровомщение и сходные с ним рудиментарные и архаические карательные практики не исчезли из социально-правовой жизни полностью и продолжают использоваться в наше время в некоторых азиатских, южноамериканских и африканских государствах (Афганистан, Ливия, Нигер, Саудовская Аравия, Судан и др.) [76, pp. 426–440].

Как правило, кровную месть применяют сохранившие родовой (клановый) принцип социального

объединения жители горных и труднодоступных районов, проживающие локально, изолированно и берегущие свои древние правовые обычаи, традиции (албанский канун, кавказские адаты и т. п.) и многовековой уклад жизни. Следование этому обычаю в условиях суровой жизни в горах и общения в рамках сложного механизма межклановых (межтейповых) взаимоотношений на соседних и приграничных территориях нередко выступало залогом выживания.

Заметим, что кровная месть существенно раздвигает темпоральные (она не имеет сроков давности) и социальные («втягивает» в разрешение эксцесса большое число представителей социума) границы общественного конфликта (инцидента), в результате чего последний приобретает характер не частного (индивидуального, личного) дела, разрешаемого посредством частной (бытовой, обычной) мести, дуэли (к настоящему времени она сохранилась лишь в Парагвае), самосуда и т. п., а выходит на уровень общественного (коллективного, общего) дела и получает соответствующую оценку. Другой аспект, повышающий превентивный эффект такой репрессивной меры, как кровная месть, состоит в том, что страх навлечь кару на родного человека – сына, отца, брата и других – способен остановить даже самого жестокого и беспринципного преступника: угроза потерять близкого родственника принуждает его воздерживаться от преступного насилия. В данной связи нельзя не согласиться с мыслью И. М. Рагимова о том, что «в принципе, кровная месть в основе своей является единственной преградой на пути массовых убийств. Только благодаря кровной мести на Кавказе долгие годы сохранялся порядок, который всех устраивал» [49, с. 18].

Эволюция уголовного наказания

Уже на ранних стадиях развития уголовного наказания кровная месть была ограничена и лимитирована принципом (законом) талиона (от латинского слова *talis* – «соответствующий», «равноценный»), возникновение которого считается учеными-пенологами важной вехой в эволюции феномена наказания. Эта простая и понятная всем пенитенциарная схема, требующая симметрии, буквальной соразмерности и точного соответствия меры уголовной репрессии нанесенному преступником вреду, часто называется не только первой логической системой наказания, но и первым воплощением корректирующей (ректификационной, коммуникативной) справедливости. «...Закон талиона представляет собой результат преодоления еще более древнего обычая неограниченной мести», – пишет Р. Г. Апресян и также констатирует: «талион – это исторически первая форма справедливости» [5, с. 222; 6, с. 83]. Другой видный представитель этики – А. А. Гусейнов, признавая талион элементарной и универсальной формой справедливости, указывает на следующий его явный недостаток: «в возмездии, вершимом по

мерке талиона, во внимание принимается лишь происходящее деяние, – намерения и конкретные обстоятельства (возможно, не зависящие от деяния) во внимание не принимаются» [19, с. 65].

Действительно, в карательной схеме талиона игнорируется субъективная сторона преступления, включая представления о вине преступника, а руководствующие ею оценивают лишь последствия преступного акта. Это связано не только с неразвитостью уголовно-правовой составляющей юридического быта ранних эпох существования принципа талиона, но и с причинами религиозного плана: лишь с приходом монотеистических религий – обращенных к человеческой душе, помыслам и разуму христианства и ислама – произошел переворот в пенитенциарной сфере и учету, установлению и оценке стали подлежать умысел, мотивы и намерения. В дохристианский период, в условиях язычества, тотемизма и анимизма, вина человека не влияла на наказание, осуществлялось объективное вменение, а наказание равным образом распространялось на животных и даже на неодушевленные предметы: хрестоматийным стал описанный в «Истории» Геродота эпизод, когда по приказу персидского царя Ксеркса I в течение нескольких дней в наказание поролось плетью море, погубившее часть войска Ахеменидской державы.

Немецкий правовед К. Биндинг настаивал на том, что «германцы никогда не игнорировали момент вины и публично-правового момента в преступлении» [9, с. 86], однако, по нашему мнению, данное утверждение не совсем корректно и его возможно распространить лишь на древнегерманские племена, жившие в нашей эре, а не до Рождества Христова: уровень юридической культуры и правового развития, к примеру, германцев, победивших римлян в сражении при Араузионе в 105 г. до н. э., и германцев, победивших римлян в сражении при Адрианополе в 378 г. н. э., значительно отличался.

Несмотря на то что закон талиона содержится в первой части Ветхого Завета – Пятикнижии Моисея (Торе): «А если будет вред, то отдай душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, рука за руку, ногу за ногу, обожжение за обожжение, рану за рану, ушиб за ушиб» (Исход: 21.23-25), «Кто сделает повреждение на теле ближнего своего, тому должно сделать то же, что он сделал: перелом за перелом, око за око, зуб за зуб: как он сделал повреждение на теле человека, так и ему должно сделать» (Левит: 24.19-20), «Да не пощадит глаз твой: душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу» (Второзаконие: 19.21), «Кто прольет кровь человеческую, того кровь прольется рукою человека...» (Бытие: 9.6), «И не берите выкупа за душу убийцы, который повинен в смерти, но его должно предать смерти» (Числа: 35.31), а также в Коране: «И предписали мы им в ней, что душа – за душу, и око – за око, и ухо – за ухо, и зуб – за зуб, и раны – отмщение» (Коран: 5.45), «О те, которые уверовали! Предписано вам возмездие за убитых: свободный –

за свободного, раб – за раба, женщина – за женщину... Для вас в возмездии – жизнь, обладающие разумом! Может быть, вы будете богобоязненны» (Коран: 2.178-179), «И не убивайте душу, которую запретил Аллах, иначе как по праву. А если кто был убит несправедливо, то мы его близкому дали власть, но пусть он не излишествует в убиении...» (Коран: 17.33), он отрицается Иисусом Христом: «Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб. А я говорю вам: не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему другую...» (Евангелие от Матфея 5: 38-39), а в Коране по важности ставится ниже, нежели прощение и примирение: «Воздаяние за зло – равноценное зло. Но если кто простит и помирится, тому награда будет от Аллаха» (Коран 42: 40).

Истории уголовного права известны три разновидности талиона: зеркальный (материальный, натуральный), когда наказание полностью, буквально соответствовало причиненному вреду, абсурдный (опосредованный), когда наказывались родственники преступника, и символический, когда наказание было направлено на повреждение той части тела преступника, которой он нанес вред (отсечение пальцев или руки за кражи до сих пор практикуется в некоторых мусульманских странах (Иран, Йемен, Саудовская Аравия, Судан и др.)). Примечательно, что лживые доносчики, клеветники и лжесвидетели подвергались точно такому же уголовному наказанию, которое грозило несправедливо обвиненным ими: заведомо ложное обвинение в убийстве приравнивалось к убийству; в Моисеевом законе на этот счет говорится: «Если выступит против кого свидетель несправедливый, обвиняя его в преступлении, ...и если свидетель тот свидетель ложный, ложно донес на брата своего, то сделайте ему то, что он умышлял сделать брату своему; и так истреби зло из среды себя» (Второзаконие: 19.16-19).

Ограничивший субъективизм, произвольность и неопределенность кровной мести, требующий соответствия уголовного наказания преступлению, закон талиона внес в область наказания идею соразмерности (равновозмездности, эквивалентности), пенологическое значение которой очень велико. Связь между уголовным наказанием и его основанием – преступным деянием благодаря правилу талиона, предусматривающему фиксированные, заранее определенные и безальтернативные параметры репрессивного воздействия, приобрела внеконъюнктурный и надситуационный характер. Благодаря талиону в уголовно-правовой доктрине совершился прогрессивный переход от принципа коллективной ответственности к идее личной, индивидуальной ответственности, хотя отдельные проявления системы коллективной ответственности продолжали сохраняться [53, с. 388]. Именно в принципе талиона была впервые в юриспруденции воплощена идея формального равенства, о чем упоминал П. Лафарг: «Возмездие – это проведение принципа равенства

в деле наказания за нанесенное повреждение. Инстинктивное чувство равенства создает право возмездия, talion...» [34, с. 42]. Предупредительный (превентивный) элемент уголовного наказания с появлением закона талиона значительно усилился, так как талион, в отличие от прежних неопределенных, нигде не закреплённых и произвольных санкций, предполагает конкретную, четкую, ясно осознаваемую и гарантированную преступнику меру репрессии.

Развитие простейших форм экономики в раннеклассовых обществах, распространение частной собственности, рабовладения и торговли, возникновение прямого товарообмена привели к появлению системы композиций (компенсаций, штрафов, выкупов, пеней), практике товарно-денежного (материального) возмещения: институтов вергельда, буссы, виры, головничества, урока, бесчестья, дии (дийи) и т. д. Именно на развитие обмена и возникновение возможности получения выкупов, которые налагались на преступников и обращались в пользу потерпевшей стороны либо феодала, указывал М. Д. Шаргородский как на причину формирования практики частных композиций [62, с. 21]. Сохраняющийся принцип коллективной ответственности опосредовал обязанность уплаты компенсации за преступный вред потерпевшей стороне не только у самого преступника, но и у всей общины (рода, клана), членом которой являлся последний. Нарастание процессов социальной стратификации, классовообразования привело к дифференциации размеров компенсаций (штрафов), в основу которой был положен сословный (классовый) принцип.

Распространение системы композиций было ускорено по мере укрепления и усиления политической власти, которая стремилась существенным образом сузить круг применения и искоренить кровную месть и, преследуя также цели экономической выгоды, заменить истребление и увечье своих подданных штрафами – выплатами, пополняющими казну. Помимо композиций ограничителем кровомщения стал судебный поединок (в северогерманской традиции – «хольмганг», в славянской – «поле»), когда стороны конфликта понуждались разрешить его посредством единоборства двух либо нескольких их представителей, по результатам которого конфликт считался разрешенным, а справедливость восстановленной. Наряду с судебным поединком в уголовном праве германских племен и народностей широко использовалась другая разновидность «Божьего суда» – ордалии (испытания огнем, водой, раскаленным железом и т. п.). Профессор Императорского Варшавского университета В. В. Есипов приводит такой интересный пример ордалии у древних германцев: «если было донесено, что женщина злым умыслом убила своего мужа, то в таком случае ближайший родственник должен был доказать ее невинность поединком; если же она поединщика не могла представить, то подвергалась девятиричному испытанию каленым железом» [20, с. 10].

Абсолютизация власти монархов, стремление поддерживать ее, рассматривавшуюся как гарант богоустановленного порядка, путем внушения страха и преклонения перед ней вывели преступление на уровень угрозы миропорядку и самой публичной власти и выдвинули на передний план в карательной деятельности цель устрашения. Как отмечал С. К. Гогель, «рост государственной власти привел к созданию понятия преступления не в смысле только нарушения интересов отдельных лиц, а в смысле потрясения условий общежития, но зато и наказанию была главным образом поставлена цель устрашения, как сказано в *Etablissements de St. Louis* – “pour que les mauvais laissent a mal faire” [17, с. 144]. Данное целеполагание в пенитенциарной практике феодального периода обеспечивалось за счет публичных (нередко театрализованных) членовредительских наказаний, массово применявшихся в квалифицированных и мучительных формах смертной казни, жестоких пыток, экзекуций и разнообразных видов унижения (одевание колодок, масок и ошейников позора, выставление у позорного столба, одевание санбенито (в инквизиционном процессе), проведение по улицам в позорящем виде, обряд гражданской казни и пр.) и истязания преступников, целями которых было глумление, запугивание, высмеивание, нанесение психических травм осужденным и сочувствующим им. Уголовное наказание назначалось даже за самые незначительные деяния и было намеренно и нарочито несообразным, не соответствующим характеру и степени общественной опасности преступления. В конечном счете оно превратилось в орудие, инструмент поддержания и защиты феодально-монархической власти, окончательно монополизировавшей карательную деятельность. С этого момента государство бесповоротно и безоговорочно становится единоличным носителем (субъектом) права наказывать, которое реализуется его представителями – верховной властью и специально формирующимися и обеспечивающимися судебными и карательными органами.

Многие средневековые монархии эпохи раннего Средневековья произвели рецепцию римского права, однако в отношении уголовного наказания это не привело к каким-либо положительным изменениям, а в ряде случаев даже усилило карательный элемент последнего: так, например, в составленном во Франции на основе Дигест Юстиниана и Декреталиев Григория IX юридическом своде *Li Livres de Justice et de Plet* 1260 г. закреплялся такой существовавший в древнеримском уголовном праве квалифицированный вид смертной казни, как казнь путем зашивания преступника в мешке с собакой, петухом и змеей.

Усилению превентивного эффекта наказания в период развитого феодализма способствовало распространение монотеистических религиозных верований и принятие ими универсальных и всеобщих форм общественного контроля. «Религии удалось идеально реализовать в сознании верующих принцип

неотвратимости наказания, что основывалось на вездесущности Бога и неотвратимости наказаний за нарушения в загробной жизни, даже если от них удалось уклониться в этом мире», – резюмирует С. М. Иншаков [22, с. 4]. Идеи посмертного, потустороннего наказания, представляемого в форме бесконечных мучений в аду (геенне (в иудаизме она становится символом загробного наказания за грехи с начала II в. до н. э.), джаханнаме в исламе, нараке в индуизме (в Законах Ману описываются двадцать один отдел нараки и наказания, которые ожидают там грешников)), возрождения в худшем виде при повторном воплощении, переселении души – реинкарнации и т. п., в ту пору, вне сомнения, стали оказывать большое сдерживающее воздействие на преступность. Под воздействием религиозной веры многие юридические явления, в том числе и уголовное наказание, начали рассматриваться с позиций божественной воли, причем наказание считалось исходящим от последней, а потому – неотвратимым и справедливым.

Нельзя не отметить, что христианское вероучение существенным образом гуманизировало область уголовного права, насытив ее идеями равенства и человеколюбия; большим гуманитарным и этическим зарядом наполнены, в частности, заповеди из первой книги Нового Завета: «Не судите, да не судимы будете. Ибо какою мерою мерите, такой и вам будут мерить. И так во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки» (Евангелие от Матфея 7: 1, 2, 12). Такие и подобные им новозаветные заповеди находили свое прямое отражение в средневековом законодательстве: в статье 213 Судебника Мхитара Гоша (около 1184 г.), например, сказано так: «Хотя прежде и полагалось око за око, зуб за зуб, рука за руку, нога за ногу, рана за рану, удар за удар, но сей закон по милосердию божьему отменен евангельским учением».

Благодаря укреплению христианской веры при назначении уголовного наказания все больше внимания стало обращать на субъективную сторону преступления: мотивы, помыслы, чувства, эмоции, процессы, происходящие в сознании и психике человека, так как для Церкви первостепенным является спасение души, внутреннее, духовное перерождение преступника, его покаяние (чистосердечное признание своей греховности), самоисправление и самосовершенствование. Именно поэтому перечень наказаний дополнился такими – носящими сугубо религиозный оттенок – мерами, как отлучение от церковного общения (анафема), епитимьи (поклоны, отлучение от участия в Евхаристии, самобичевание и др.), заточение в монастырских кельях, посты (включая полный отказ грешника от пищи и воды) и т. п., а в средневековый уголовный процесс некоторых католических стран была включена появившаяся с началом инквизиции – особого церковного суда католической церкви, учрежденного

папой Иннокентием III в 1215 году, – церемония аутодафе. Подчеркнем, что органы церковной юрисдикции, подобно светским судам, активно применяли различные виды имущественных наказаний, включая конфискацию имущества еретиков, грешников и преступников. Для активно применявшихся в Средневековье норм канонического права были характерны смешение и неотделимость категорий аморального, греховного и собственно преступного. О резко возросшей роли церкви в сфере уголовного наказания описываемого периода считающийся основоположником науки церковного права в России ординарный профессор Императорского Московского университета Н. С. Суворов писал: «Церковь именно, как таковая, как общество верующих в Христа, держала в своих руках исправительно-наказующую власть, была, выражаясь юридическим языком, субъектом этой власти» [51, с. 46].

Большой вклад в дело гуманизации и индивидуализации уголовного наказания, религиозного и духовно-нравственного воспитания осужденных преступников внесли католические монашеские ордена – бенедиктинцы, бернардинцы, доминиканцы, иоанниты (госпитальеры), францисканцы, цистерцианцы и др., а представители протестантского христианского движения квакеров (его основатель Джордж Фокс неоднократно подвергался тюремному заключению и имел представление о пенитенциарных проблемах) сформировали пенсильванскую тюремную систему (филадельфийский пенитенциарий), – в рамках которой помещенные в одиночные кельи преступники в условиях полной изоляции от внешнего мира читали текст Библии, дабы осознать свое богоотступничество и раскаяться, – а также повлияли на создание оборонской тюремной системы (системы умолчания) и системы реформаториев [10, с. 64–68]. Из числа монахов формировались первые корпуса тюремных священнослужителей, получивших впоследствии название капелланов, которые осуществляли евангелизацию и духовное окормление (пастырское руководство, душепопечение) преступников, оказавшихся в местах лишения свободы.

Развитие практики монастырского заточения во многом расширило сферу применения уголовного наказания в виде изоляции осужденных от социума: наказания, связанные с лишением свободы, стали повсеместно назначаться как церковными, так и светскими судами. О. М. Фрейденберг и ряд современных нам авторов считают, что именно из монастырского заточения (заключения в келью) вышло уголовное наказание в виде лишения свободы (тюрьма) [61, с. 23–32], однако мы полагаем, что такое заключение являлось лишь одной из параллелей в практике социальной изоляции преступников, а второй, возникшей раньше, были меры по недопущению возможности скрыться от суда и исполнения приговора – временное содержание под стражей в условиях строгой изоляции (для этого использовались

подземелья, катакомбы, темницы, избы, землянки, колодцы и т. п., в частности, в Древнем Риме в подземелье Туллианум (ныне Мамертинская тюрьма, считающаяся самым старым строением в современном Риме), согласно преданию, содержался апостол Петр, перед тем как он был распят на перевернутом кресте), и именно из него возникло впоследствии лишение свободы как отдельный и самостоятельный вид уголовного наказания. Примечательно, что не только во многих странах мусульманского Востока в качестве самых первых тюрем использовалась глубокая яма – зиндан (от персидских слов «зина» – «преступление» и «дан» – «вместилище»), но и в Новом Свете существовали точно такие же прообразы классической тюрьмы. На это обращал внимание еще криминолог Э. Сатерленд: «в Америке в качестве первой тюрьмы также использовалась разновидность ямы – заброшенный рудник недалеко от Симсбери» [77, с. 393]. Впоследствии в качестве тюрем стали использовать надводные суда – появились так называемые «плавучие тюрьмы» (наибольшее распространение они получили в Великобритании: в 1776–1856 годы на реке Темзе располагалось большое количество английских плавучих тюрем – халков; в начале 70-х годов XX века британские власти вернулись к этой практике, превратив списанный военный корабль «Мейдстоун» в тюрьму для ирландских сепаратистов).

Падение феодального строя, проходившее на фоне острого противостояния капиталистических (буржуазных) и феодальных сил и окончательно завершившееся с «Весной народов», существенным образом отразилось на уголовно-правовой теории: ее обогатили новые, революционные и прогрессивные взгляды, концепции и подходы, включая пенологические, которые отражали и развивали идеи мыслителей, полиматов и гуманистов эпох Реформации и Просвещения. Так, в 1789 году в статье 8 Декларации прав человека и гражданина Великой французской революции был закреплен юридический принцип *Nulla poena sine lege* («Нет наказания без закона»), согласно которому никто не может быть наказан за деяние, которое не запрещено в законе. Также среди таких идей была мысль о сокращении карательного заряда наказания, так как чрезмерная жестокость уголовного наказания не повышала его эффективность, а лишь компрометировала и дискредитировала публичную власть в глазах народа, воспринималась как несправедливое и неоправданное зло и вызывала у немалой части общества жалость и сочувствие к наказанным (вплоть до формирования вокруг них (в особенности инсургентов, сурово наказываемых за антигосударственные преступления) своеобразного лика, ореола мученичества – как у казненных и прошедших через жестокие пытки христианских страстотерпцев). Хрестоматийным в мировой пенологии стал пример бессмысленности и неэффективности жестоких казней Л. М. Лепелетье де Сен-Фаржо – его высказывание о

том, что в толпе французов, собиравшейся на Гревской площади в Париже наблюдать за повешением очередного приговоренного к смерти вора-карманника, постоянно действуют, ворюя у обывателей деньги и другие ценности, точно такие же, как казнимый преступник, карманники.

Сущность новых подходов к уголовному наказанию отражают слова Ж. де Лабрюйера: «Ненаказанный преступник – это пример для всех негодяев; невинно осужденный – это вопрос совести всех честных людей» – и находившейся под влиянием европейских просветителей и моралистов Екатерины II: «Лучше оправдать десять виновных, чем осудить одного невинного» (это высказывание было интерпретацией слов И. Мэзера, произнесенных им в ходе судебного процесса над «ведьмами» в североамериканском городе Салеме: «Пусть лучше несколько ведьм выживут, чем один невинный будет казнен»).

Помимо усиления культурных и морально-нравственных аспектов пенитенциарной практики, именно в этот период происходит существенное смещение акцентов с односторонне-репрессивного характера уголовного наказания в сторону его предупредительной (превентивной) роли. В число основных в пенологической доктрине стала помещаться задача удержания как потенциальных (неустойчивых и неблагонадежных лиц) преступников, так и уже состоявшихся (в том числе закоренелых и убежденных делинквентов) преступников от совершения запрещенных законом деяний. Научно-теоретическому обоснованию, аргументации и методическому обеспечению подверглись идеи исправления и перевоспитания преступников [82, pp. 455–168]. Также были четко сформулированы и получили развитие принцип равенства всех перед законом, судом и наказанием и важный криминологический постулат – руководящая идея, согласно которой не жестокость и беспощадность уголовных санкций, а неотвратимость (неизбежность) уголовного наказания прежде всего удерживает людей от совершения преступлений [74, pp. 50–53; 84, pp. 31–34]. В 1843 году в результате неудавшегося покушения душевнобольного шотландского деревообрабочника на английского премьер-министра Р. Пиля, породившего большой общественный резонанс, появился юридический прецедент, известный как правило Макнатена (Макнотена), согласно которому уголовному наказанию не должны подлежать лица, признанные сумасшедшими (невменяемыми), что, вне сомнения, явилось важным шагом на пути гуманизации и дифференциации уголовного наказания.

Карательными эквивалентами и объектами «интервенции», простирая уголовного наказания помимо тела, собственности, чести, достоинства и свободы человека становятся его гражданские и политические права – свое «второе дыхание» обретает существовавшая еще в древнеримском праве гражданская (политическая) смерть («шельмование» во времена Петра I): лишение преступника права участвовать

в выборах, вступать в брак, иметь собственность, выступать свидетелем в суде и мн. др. (несмотря на отмену во Франции в 1854 году этого вида уголовного наказания, вплоть до 2009 года в ст. 617 Гражданского кодекса Франции (Кодекса Наполеона) было закреплено, что узурфрукт прекращается в силу «естественной и гражданской смерти узурфруктуария»).

В то же время в пенитенциарной практике по мере сокращения и отмены болезненных (их орудиями были розги, плети, кнуты, шпицрутены, кошки, багоги и пр.) и членовредительских (калечащих) телесных наказаний (первой европейской уголовной кодификацией, в которой были отменены телесные наказания, стал Уголовный кодекс Франции 1791 г.), а равно квалифицированной смертной казни (позднее – обычной, неквалифицированной смертной казни: в 1786 году она была законодательно отменена в Великом герцогстве Тосканском, в 1846 году отменена в американском штате Мичиган, в 1863 году отменена в Венесуэле, в 1867 г. отменена за все преступления, кроме воинских, в Португалии, в 1870 году отменена в Нидерландах; в России Секретный протокол Сената 1743 года, Указы 1744, 1753 и 1754 годов не отменяли смертную казнь как вид уголовного наказания, а вводили особый порядок ее применения, позволивший Елизавете I за годы своего правления не утвердить ни один приговор к смертной казни) на передний план начинает выходить лишение свободы: «теперь тюрьма быстро становится... основным наказанием новой карательной системы, объединяется с обязательными для заключенных работами и вытесняет все другие виды наказания», – писал М. А. Чельцов-Бебутов [59, с. 29]. В то же время против расширения сферы лишения свободы и отмены телесных наказаний выступили некоторые видные европейские ученые-правоведы: в частности, немецкий юрист О. Миттельшtedт оправдывал пенитенциарную модель устрашения, выступал за сохранение смертной казни, позорящих и телесных уголовных наказаний, указывая на их дешевизну и преимущества для бедных, материальное положение которых значительно ухудшается при продолжительном лишении свободы.

Несмотря на связанный с переходом к модели изоляции существенный прогресс в развитии института уголовного наказания, места лишения свободы в странах Европы и Азии на протяжении XVIII–XIX веков отличались крайне неудовлетворительными условиями: грязными, тесными, антисанитарными, способствующими развитию у заключенных многих заболеваний (тяжелых и нередко приводящих к растянутому по времени страданиям и мучительной смерти) и распространению различных инфекций. Причем нередко подобные условия создавались или поддерживались намеренно: например, тюрьма Пьомби в Венеции располагалась прямо под крышей Дворца дождей, которая была вымощена свинцовыми плитами, не защищавшими от холода зимой, а летом очень сильно нагревавшимися,

что причиняло страдания заключенным. В большинстве тюрем не придерживались принципа раздельного содержания разных категорий осужденных: в одних и тех же помещениях находились дети и взрослые, мужчины и женщины, единожды совершившие преступление по неосторожности и особо опасные рецидивисты, здоровые и психически больные люди и т. д. Эти недостатки не раз становились объектом острой критики таких известных пенитенциарных философов, политиков и правоведов, как Ч. Беккариа, И. Бентам, У. Блэкстон, В. Веннинг, Д. Говард, Э. Жирарден, У. Иден, Ф. Каррара, Э. Ливингстон, Р. Оуэн, С. Ромилли, Д. Селден, Д. Стифен и А. Фейербах [65; 66; 72; 80].

Однако среди отрицательно влиявших на заключенных пенитенциарных заведений того времени были и исключения: в частности, исправительное учреждение (реформаторий) в г. Эльмире в североамериканском штате Нью-Йорк (в нем применялась прогрессивная (марочная, балльная, звездная) система отбывания наказания) и российские ремесленные приюты для малолетних преступников (Вологодский, Костромской и др.), в которых несовершеннолетних привлекали к общественно полезной деятельности [16, с. 174–176]. Для этих приютов были характерны хорошие условия содержания, попечение, забота и обучение содержащихся в них правонарушителей – детей и подростков.

Расцвет системы европейского колониализма, пришедшийся на период XVIII–XIX веков, привел к сужению практики тюремного заключения в пользу такого вида уголовного наказания, как ссылка. Помимо карательных целей ссылка на данном этапе преследовала социально-экономические задачи: освоения и развития новых территорий и материально-ресурсной поддержки жизнеобеспечения колонистов за счет труда осужденных. По этой причине ссыльным преступникам выдавались земельные участки, предоставлялись жилые помещения и рабочий инвентарь и зачастую разрешалось вступать в брак (в том числе с представителями коренного, аборигенного населения колоний) и прибывать к месту ссылки вместе со своей семьей.

Сформировался новый, особый тип ссылки, который известный российский специалист по вопросам ссылки Г. С. Фельдштейн именовал «колониальной или со смешанным характером» [54, с. 15, 22, 33]. В Великобритании местами колониальной ссылки являлись северо-восточная часть Северной Америки (в XVIII веке количество переселенных туда преступников составляло 25 % от общего числа эмигрантов), Австралия (на этот материк британские власти ссылали преступников и ирландских повстанцев вплоть до 1868 года, когда был принят закон, заменивший ссылку каторжными работами), Сингапур, Индия (включая Андаманские острова), Гибралтар и Бермудские острова, во Франции (с учетом редегации как

особой разновидности колониальной ссылки для преступников-рецидивистов) – юго-восточная часть Северной Америки (Луизиана и соседние земли), Французская Гвиана и Новая Каледония. Известно, что во многом благодаря труду тысяч приговоренных английскими судами к ссылке преступников Австралия в относительно короткие сроки обрела финансовую независимость от метрополии и достигла высокого уровня социально-экономического развития. На Парижском тюремном конгрессе 1895 года и Лиссабонском конгрессе союза криминалистов 1897 года соединенная с полезными для общества работами колонизационная ссылка была положительно охарактеризована собравшимися на этих съездах учеными. Британский парламентарий, реформатор уголовного и уголовно-исполнительного законодательства С. Ромилли также признавал высокое утилитарное и колонизационное значение английской ссылки [55, с. 55].

Не только доказывавшееся и обосновывавшееся пенологами того времени высокое исправительное значение пенитенциарного труда, но и осознание того факта, что не только из штрафов и конфискации имущества, но и из наказаний, связанных с лишением свободы и насильственным перемещением, можно извлекать экономическую выгоду и практическую пользу, привело правительства многих стран к активному использованию смешанных типов уголовного наказания – ссылки на галеры и – получившей свое наименование от греческого названия галеры – «каторгон» – каторги, то есть каторжных работ (принудительного (подневольного) труда, соединенного с ссылкой), а также таких специальных пенитенциарных конструктов, как арестантские роты (возникли в России как вид уголовного наказания в 1823 году и были в ведении военного инженерного ведомства (впоследствии – инженерного морского и гражданского ведомств)) и гражданские роты (появились в России в 1830 и до 1870 года находились в ведомстве министерства путей сообщения, а затем – министерства внутренних дел как исправительные арестантские отделения), одной из задач которых было содействие развитию городских поселений посредством общественного труда осужденных.

Развитие утилитарного подхода к уголовному наказанию и идеи исправления преступников за счет трудовой терапии привело к реформе классических тюрем и переходу от них к исправительным домам (в них в европейских странах помимо преступников помещались бродяги, нищие и тунеядцы) и трудовым домам (они предназначались в основном для подростков). Особенностью их функционирования было активное привлечение всех осужденных к полезному и созидательному труду, который, несмотря на его принудительную сущность, достойно оплачивался и тем самым мотивировал и стимулировал заключенных. В Российской империи такие пенитенциарные заведения нового типа, согласно А. Ф. Кистяковскому,

имели не только ремесленный, но и земледельческий характер [26, с. 35–36]. Подневольный труд осужденных, по мысли ученых-пенологов и законодателей XIX века, должен был вбирать в себя воспитательные и морально-этические элементы и сочетаться с приучением заключенных к дисциплине и послушанию.

Новый подход к изоляции от социума был воплощен в ирландской пенитенциарной системе, считавшейся к концу XIX века самой лучшей, передовой и положившей начало прогрессивной (ирландской, крофтонской) системе отбывания наказания в виде лишения свободы. Она была создана в 50-х годах XIX века ирландским тюремным администратором У. Крофтоном. В соответствии с ней все заключенные содержались отдельно (по полу, возрасту, наличию рецидива и т. д.), приобщались к труду, получали образование и подробно информировались о специальных правилах, которые подразумевали прохождение ими трех этапов. Первый этап предполагал содержание в одиночных камерах в условиях строгой изоляции не менее 9 месяцев. За дисциплинированность и безупречное поведение осужденные зарабатывали «марки» (баллы, отметки), набрав которые они получали возможность перейти на второй этап, предусматривающий коллективный и оплачиваемый труд в мастерских. Усердный и добросовестный труд в рамках такой «марочной» системы давал право перехода на третий этап, отличавшийся самыми мягкими условиями: заключенные помещались в «переходные заведения» (в них разрешалось учиться в тюремной школе, читать книги, посещать церковь, выполнять поручения администрации, допускалось расконвоирование и др.). На этой стадии некоторые категории осужденных, набравших необходимое количество «марок», по истечении определенного срока могли получить «билет» для условно-досрочного освобождения. После такого освобождения на них налагался ряд ограничений, но главное, что они помещались под надзор полиции либо гражданских лиц, которые должны были помогать в поисках работы и посещать освобожденных на дому. При совершении какого-либо правонарушения или неблаговидного проступка освобожденный досрочно лишался своего «билета» и незамедлительно возвращался обратно в тюрьму [18, с. 8–22]. Впервые усовершенствованная У. Крофтоном «марочная» (балльная, звездная) система была применена в 1840 году комендантом английской тюремной колонии на о. Норфолк, шотландцем А. Маконохи (Маконочи), известным в пенологии как «отец условно-досрочного освобождения», который сам два года провел в французской тюрьме, будучи военнопленным. Благодаря ему в Великобритании были законодательно закреплены нормы о сокращении сроков уголовного наказания за примерное поведение, об «условных отпусках» и об «условном и безусловном прощении».

Уголовное наказание в XX веке

С началом XX века непрерывно эволюционировавшее и значительно усложнившееся в идейно-теоретическом отношении и в плане практической реализации уголовное наказание вступило в сложный и противоречивый период своего развития, который М. Н. Гернет охарактеризовал словами: «Мы переживаем период борьбы не только с преступлениями, но также и время не менее интенсивной борьбы и с самим наказанием» [14, с. 319]. Особенно сильной критике и теоретическим нападкам институт уголовного наказания подвергся в первой четверти XX века, на которую выпало множество как правовых и пенитенциарных реформ и экспериментальных преобразований во многих странах мира, так и новых концепций обращения с преступниками и теорий предупреждения преступности [43, с. 28–32; 78, pp. 332–337; 81, p. 20]. Показательными в этом отношении являются резкие аболиционистские выводы изучавшего уголовно-правовые проблемы противодействия половым преступлениям Б. И. Пятницкого: «Наказание виновных является жестокой несправедливостью, тут место лечению... или, в крайнем случае, – изолирование в больницы» [48, с. 82].

Сторонники нового позитивистского направления в уголовном праве, гиперболизировавшие значение специальной превенции, и приверженцы концепции социальной защиты настаивали на отказе от репрессивно-возмездных основ в уголовном наказании, а в конечном итоге и от самого наказания, предлагая вместо него оборонительные и профилактические «меры социальной защиты», приемы некарательного обращения с преступниками и различные средства терапевтического и исправительно-воспитательного воздействия. В отличие от классического уголовного наказания, покоящегося на идее соразмерности, эти меры не знали границ и пределов вмешательства в сферу прав, свобод и законных интересов человека, большинство из них вообще не основывалось на праве, на принципе справедливости и таких юридических конструкциях, как вина, ответственность, законность и т. п., и поэтому они, отличавшиеся широким диапазоном и размытостью рамок, быстро обнаружили свою несостоятельность и оказались гораздо более несправедливыми и аморальными, чем уголовное наказание. М. И. Ковалев отмечал, что они «представляют собой открытые или замаскированные формы произвола и посягательства на основные права человека» [28, с. 8–9], а И. И. Карпец подчеркивал, что отказ от уголовного наказания «оборачивается предложениями о введении еще более безнравственных средств борьбы с преступностью, без закона, с помощью... любых мер, которые смогут предложить реакционные юристы, криминологи, психологи, психиатры» [24, с. 178].

К применявшимся в XX веке альтернативным уголовному наказанию предупредительным и исправительным мерам относились инсулиновый шок (методика введения в коматозное состояние), электрошок, префронтальная лоботомия – лейкотомия (хирургическая операция по исключению воздействия лобных долей мозга на другие структуры центральной нервной системы, которая, как предполагалось, способна устранить агрессивность и проявления ярости), таламотомия (хирургическая операция по повреждению отдельных участков области мозга, которая отвечает за передачу информации от органов чувств к коре головного мозга), транскраниальная магнитная стимуляция (метод воздействия на кору головного мозга с помощью магнитных импульсов) и влияние с помощью ультразвука и разрядов электрического тока на выявленные с помощью энцефалографа зоны особой электрической активности мозга (метод, зиждущийся на теории Д. Стэффорда-Кларка о связи насильственного преступного поведения с нарушениями в ритмах мозговых волн, которая была обнаружена в ходе электроэнцефалографических исследований путем сравнения энцефалограмм серийных убийц и обычных людей). Данные методы дополнились способами устранения и коррекции преступных наклонностей и свойств, разрабатывавшимися представителями такого нового направления в науке о преступности, как клиническая криминология (Д. Сабо, Б. ди Туллио и др.). В числе этих приемов находились и меры медикаментозного воздействия на преступников, например, применение декстроамфетамина, метилфенидата, панкурония, сукцинилхоллина, ципротеронацетата и других психотропных препаратов и сильнодействующих веществ.

Практическая реализация криминологической концепции «опасного состояния», берущей свое начало с известной работы Р. Гарофало «Критерии опасного состояния» 1880 года (в которой доказывалось, что во многих случаях преступления совершаются в результате определенного психического состояния, приводящего человека к конфликту с обществом), поддержанной и развивавшейся в Европе М. Анселем, Д. Канепой, Ж. Пинателем и Э. Ферри, а в Союзе ССР – А. Я. Вышинским, Н. В. Крыленко, Д. И. Курским и Е. Г. Ширвиндтом, привела к использованию системы неопределенных приговоров. Суть данного подхода заключалась в том, чтобы не освобождать преступников из мест изоляции до тех пор, пока они не перестанут, по мнению специальной комиссии (или пенитенциарной администрации), представлять опасность для общества. Модель неопределенных приговоров начиная с 1876 года интенсивно применялась на территории США, в частности, в упоминавшемся выше реформатории в г. Эльмире: возглавлявший его З. Броквей в 1877 году добился законодательных изменений, передававших исключительное право суда на определение срока

лишения свободы главе реформатория [79, pp. 4–17]. В 20-х годах XX века в СССР также предпринимались попытки законодательно закрепить институт неопределенных приговоров, которые привели к тому, что в 30-х годах XX века на уровне подзаконных актов начальники некоторых советских исправительно-трудовых лагерей получили единоличное право продлевать сроки лишения свободы в качестве дисциплинарной меры воздействия.

Аккумулятивный пенитенциарный опыт продемонстрировал, что попирающие основополагающие принципы классического уголовного права неопределенные приговоры не достигают цели частной превенции и не приводят к реальному исправлению, а заставляют осужденных создавать видимость последнего; они также порождают грубые злоупотребления и произвол со стороны администрации мест лишения свободы. Согласно мнению американского правоведа П. Робинсона, система неопределенных приговоров в США прежде всего оказалась несправедливой: она не только неоправданно расширила сферу судебного усмотрения, но и часто приводила к существенным различиям при назначении уголовного наказания разным подсудимым за одинаковые преступления [69, pp. 63–71; 70, pp. 225–271].

Проводившиеся в XX веке радикальные преобразования и реформы сферы уголовного наказания, помимо описанных выше отрицательных итогов, конечно, имели и положительные результаты. Так, в частности, одна из наиболее эффективных и успешных реформ была произведена в 60-е годы XX века в Финляндии, которая в начале XX века располагалась на первом месте среди западноевропейских стран по количеству осужденных к лишению свободы на душу населения (тюремный контингент в Финляндии был почти в три раза больше, чем в соседних северных государствах – Дании, Норвегии и Швеции) и одновременно была в числе лидеров по уровню преступности. Основными причинами реформирования пенитенциарной сферы, предварявшегося широким общественным и политическим обсуждением, были высокая степень рецидива, рост финансовых расходов на содержание правоохранительной и уголовно-исполнительной систем и малая эффективность уголовного наказания, связанного с изоляцией от общества. При проведении реформы был сужен спектр применения наказания в виде лишения свободы за счет увеличения области применения материальных мер уголовной ответственности (штрафов, конфискации имущества и др.), расширены пределы использования института условно-досрочного освобождения, уменьшены санкции большого числа статей Уголовного кодекса Финляндии и смягчены нормы об определении наказания при рецидиве преступлений. В виде альтернативного изоляции от общества уголовного наказания были закреплены общественные (обязательные) работы, причем в законодательстве особо

подчеркивалось, что привлечение к общественным работам не должно лишать других финских граждан, осуществляющих такие же работы на постоянной основе, рабочих мест. Последствиями проведенной реформы стали значительное сокращение общего числа заключенных, заметное снижение в Финляндской Республике уровня преступности и существенная экономия бюджетных средств [31, с. 28–29]. Примечательно, что в финских местах принудительного содержания, за исключением специальных участков для особо опасных рецидивистов и злостных нарушителей дисциплины, были отменены режим полной изоляции и строгие запреты на перемещение. И. Я. Гишинский так описывает эти нововведения: «заключенным... выдаются ключи от камеры, чтобы человек, уходя, мог закрыть дверь в “свою комнату” и открыть, возвращаясь. По мнению начальника тюрьмы, это позволяет заключенным сохранять чувство собственного достоинства... Заключенные проживают по одному-два человека в камере и днем свободно гуляют по коридору, заходят в гости друг к другу» [15, с. 120].

Не менее результативные реформы пенитенциарной сферы в 70-е годы XX века были осуществлены в Канаде. Идеино-концептуальной основой реформирования стал постепенный отказ от закрепившейся начиная с середины XIX века в англо-канадском уголовном праве теории формального (апологического) возмездия И. Канта, требовавшей равенства уголовного наказания преступлению по силе воздействия на свободу делинквента и отражения в содержании уголовной кары сущности совершенного преступного деяния [83, pp. 347–388]. Вместо традиционного тюремного заключения в рамках специально разработанных новых программ реабилитации и реинтеграции осужденных была реализована модель «постепенного освобождения», предоставлявшая заключенным возможность в течение дня работать в коллективах за пределами места лишения свободы и возвращаться обратно на ночь. Коррекционные учреждения промежуточного типа, созданные в Канаде при реализации модели «постепенного освобождения» и призванные облегчить процесс возвращения осужденных в общество, получили наименование «дома на полпути»: ввиду того, что они находятся на полпути между жизнью в изоляции и жизнью на свободе. В этих промежуточных учреждениях (их также называют общественными исправительными центрами) канадские осужденные получают необходимые им социальные навыки для адаптации и реинтеграции в общество, а также образовательные услуги (в настоящее время в год на образование одного заключенного в Канаде тратится около 3000 дол.), психологическую и медицинскую поддержку, включая помощь в поиске работы и в поступлении в учебное заведение, специальные тренинги, бесплатные консультации и т. п. Активное использование

ресоциализационных и реабилитационных программ привело к резкому снижению постпенитенциарного рецидива в Канаде [71, pp. 452–469; 73, pp. 42–52], а реформирование системы уголовного наказания в целом – к тому, что Канада в текущее время является одной из самых безопасных в криминальном отношении стран в мире.

Помимо эффективного внедрения ресоциализационных практик важной составляющей канадских пенитенциарных реформ было развитие модели реституционного правосудия (*restorative justice*) – концепции восстановительного правосудия. Самый первый опыт ее применения имел место в 1974 году в г. Китченер канадской провинции Онтарио, где столетиями применялись «круги примирения» (круги правосудия), содержащиеся в правовых обычаях автохтонного населения этих районов Канады – индейцев алгонкинов [30, с. 32]. Реституционное правосудие, в ходе которого преступник и жертва посредством медиации активно участвуют в разрешении всех вопросов, связанных с преступным деянием и в особенности – с нивелированием его вредных последствий, выступило должной альтернативой традиционному уголовному преследованию. Восстановительная юстиция помещает в центр своих примирительных процедур фигуру потерпевшего (жертву преступления) и его интересы и предусматривает применение меры в виде лишения преступника свободы только в исключительных случаях, предлагая широкий диапазон альтернативных способов нейтрализации конфликта, которые выходят за пределы классической системы уголовного наказания и постоянно совершенствуются. Специфической чертой модели восстановительного правосудия, реализуемой в многонациональной Канаде, является участие в нем представителей «третьего сектора», отстаивающих свободы, права и интересы как коренных, так и некоренных этносов, населяющих эту страну. Во многом благодаря положительному канадскому опыту система восстановительного правосудия получила известность, признание и распространение в уголовном праве многих государств в настоящее время.

Заключение

Закономерности формирования и поступательного развития уголовного наказания показывают, что оно становится менее репрессивным и жестоким и постепенно гуманизируется по мере перманентного социально-культурного и духовно-этического развития человечества, а равно цивилизационного прогресса. Уголовное наказание сыграло большую роль в складывании и закреплении социальных отношений и продолжает выполнять прогрессивную функцию по их обеспечению, являясь непреложным и ценным элементом общечеловеческой культуры и уникальным социально-правовым феноменом.

Феномен уголовного наказания эволюционирует и претерпевает сущностно-содержательные изменения в зависимости от социально-экономических, морально-нравственных и политических условий жизни общества. Перемены и сдвиги в последних приводят к изменениям в целеполагании, структуре, форматах, механизме воздействия и доктринальных основах уголовного наказания, которые, в свою очередь, модифицируют пенитенциарную практику: в настоящий момент – ввиду отступления от консервативного ретроспективно-карательного вектора – она в большей степени ориентирована на предупреждение преступного поведения, ресоциализацию и исправление преступников и использование альтернативных изоляции от общества видов уголовного наказания.

Библиографический список

1. *Алексеев С. С.* О понятии права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1970. № 1. С. 20–29.
2. *Алексеев С. С.* Право на пороге нового тысячелетия: некоторые тенденции мирового правового развития – надежда и драма современной эпохи. М.: Статут, 2000. 255 с.
3. *Аликперов Х. Д.* Неизведанные грани наказания и тайны его бытия («Учение о нечеловекотворности наказания»). СПб.: Юридический центр, 2020. 105 с.
4. *Антонян Ю. М.* Преступность в первобытном обществе // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2019. № 3. С. 119–131. DOI: 10.28995/2073-6304-2019-3-119-131.
5. *Апресян Р. Г.* Талион: его восприятие и видоизменения в христианстве и исламе // Сравнительная философия: моральная философия в контексте многообразия культур: материалы Первой моск. междунар. конф. М.: Восточная литература, 2004. С. 221–229.
6. *Апресян Р. Г.* Талион и золотое правило: критический анализ сопряженных контекстов // Вопросы философии. 2001. № 3. С. 72–84.
7. *Беккариа Ч.* О преступлениях и наказаниях. М.: Инфра-М, 2004. 184 с.
8. *Белогриц-Котляревский Л. С.* Учебник русского уголовного права. Общая и особенная части. Киев: Южно-русское книгоиздательство Ф. А. Иогансона, 1903. 618 с.
9. *Биндинг К.* О происхождении публичного наказания в германо-немецком праве // Новые идеи в правоведении. Сборник 3: Эволюция преступлений и наказаний. СПб.: Образование, 1914. С. 81–112.
10. *Васильева С. А.* Идеология квакеров и возникновение филадельфийской системы тюремного содержания // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2015. № 4. С. 64–74.
11. *Вишняцкий Л. Б.* Вооруженное насилие в палеолите // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2014. № 1. С. 311–332.

12. *Владимиров Л. Е.* Уголовный законодатель как воспитатель народа. М.: Скоропечатня товарищества А. А. Левенсон, 1903. 244 с.
13. *Георгиевский Э. В.* К вопросу о характере и степени конфликтности в первобытном стаде // Сибирский юридический вестник. 2005. № 3. С. 50–54.
14. *Гернет М. Н.* Избранные произведения. М.: Юрид. лит., 1974. 637 с.
15. *Гилинский Я. И.* Исполнение наказания в системе социального контроля над преступностью // Закон. 2012. № 9. С. 117–128.
16. *Говард Г.* Костромской ремесленный приют для малолетних преступников (по отчету за 1894 год) // Журнал Министерства юстиции. 1895. № 9. С. 174–176.
17. *Гогель С. К.* Курс уголовной политики в связи с уголовной социологией. М.: Инфра-М, 2014. 386 с.
18. *Гольцендорф Ф.* Ирландская тюремная система, в особенности переходные заведения, до отпущения арестантов на свободу. СПб.: Тип. В. Головина, 1864. 130 с.
19. *Гусейнов А. А.* Социальная природа нравственности. М.: Изд-во МГУ, 1974. 157 с.
20. *Есипов В. В.* Преступление и наказание в древнем праве. Варшава: Тип. Варшавского учебного округа, 1903. 61 с.
21. *Звизжова О. Ю.* Первобытная преступность // Общество и право. 2010. № 4. С. 214–220.
22. *Иншаков С. М.* Зарубежная криминология: учеб. пособие. М.: Юнити-Дана: Закон и право, 2003. 383 с.
23. *Карпец И. И.* Наказание. Социальные, правовые и криминологические проблемы. М.: Юрид. лит., 1973. 287 с.
24. *Карпец И. И.* Уголовное право и этика. М.: Юрид. лит., 1985. 256 с.
25. *Кистяковский А. Ф.* Исследование о смертной казни. Тула: Автограф, 2000. 272 с.
26. *Кистяковский А. Ф.* Молодые преступники и учреждения для их исправления. Киев: тип. И.И. Завадского, 1878. 232 с.
27. *Кистяковский А. Ф.* Элементарный учебник общего уголовного права с подробным изложением начал русского уголовного законодательства. Часть общая. Киев: Изд-во Ф. А. Иогансона, 1891. 892 с.
28. *Ковалев М. И.* Пути повышения эффективности криминологических исследований // Вопросы эффективности уголовно-правовых норм: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 66. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1978. С. 5–13.
29. *Козаченко И. Я., Корсаков К. В., Лещенко В. Г.* Церковно-религиозное воздействие на осужденных к лишению свободы. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2012. 256 с.
30. *Корсаков К. В.* Восстановительная юстиция как альтернатива традиционному уголовному правосудию // Виктимология. 2018. № 3. С. 29–35.
31. *Корсаков К. В.* Эффективность уголовного наказания и альтернативных мер воздействия на преступников: сравнительно-правовой анализ // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 2. С. 28–34.
32. *Косвен М. О.* Преступление и наказание в догосударственном обществе. М., Л.: Госиздат, 1925. 140 с.
33. *Кычанов Е. И.* Основы средневекового китайского права (VII–XIII вв.). М.: Наука, 1986. 264 с.
34. *Лафарг П.* Происхождение идеи справедливости // Марксизм и этика: сб. ст. Киев: Госиздат Украины, 1925. С. 35–62.
35. *Линовский В. А.* Исследование начал уголовного права, изложенных в Уложении царя Алексея Михайловича. Одесса: Городская типография, 1847. 149 с.
36. *Мальцев Г. В.* Социальная справедливость и право. М.: Мысль, 1977. 255 с.
37. *Мацкевич И. М.* Портреты знаменитых преступников. М.: ПолиграфОпт, 2005. 414 с.
38. *Миттермайер К. И. А.* Смертная казнь по результатам научных исследований, успехов законодательства и опытов. СПб.: Тип. А. С. Голицына, 1864. 170 с.
39. *Морган Л. Г.* Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса через варварство и цивилизации. Л.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1934. 350 с.
40. *Мэйн Г. Д. С.* Древнее право, его связь с древней историей общества и его отношение к новейшим идеям. СПб.: Д.Е. Кожанчиков, 1873. 312 с.
41. *Ницше Ф.* По ту сторону добра и зла. К генеалогии морали. Минск: Беларусь, 1992. 333 с.
42. *Оппенгеймер Г.* Историческое исследование о происхождении наказания // Новые идеи в правоведеии. Сборник 3: Эволюция преступлений и наказаний. СПб.: Образование, 1914. С. 1–80.
43. *Оранжев Н. Д.* Преступление и наказание в математической зависимости: идея и схема ее применения. М.: Литотипография товарищества И. Н. Кушнерев и К°, 1916. 69 с.
44. *Осипов А. И.* Путь разума в поисках истины. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2002. 430 с.
45. *Пашуканис Е. Б.* Избранные произведения по общей теории права и государства. М.: Наука, 1980. 271 с.
46. *Поздняков Э. А.* Философия преступления. Для тех, кто не боится потерять иллюзии. М.: Изд-во Новоспасского монастыря, 2001. 575 с.
47. *Поршнева Б. Ф.* О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). М.: Мысль, 1974. 488 с.

48. *Пятницкий Б. И.* Половые извращения и уголовное право. Могилев: Тип. И. Б. Клаза, 1910. 93 с.
49. *Рагимов И. М.* Философия преступления и наказания. СПб.: Юрид. центр, 2013. 288 с.
50. *Рулан Н.* Юридическая антропология: учебник. М.: Норма, 2000. 301 с.
51. *Суворов Н. С.* О церковных наказаниях. Исследования по церковному праву. СПб.: Типография и хромолитография А. Траншеля, 1876. 346 с.
52. *Таганцев Н. С.* Русское уголовное право. Часть общая: лекции. Т. 1. СПб.: Гос. типография, 1902. 815 с.
53. *Тард Г.* Преступник и преступление. Сравнительная преступность. Преступления толпы. М.: Инфра-М, 2004. 391 с.
54. *Фельдштейн Г. С.* Ссылка. Очерки ее генезиса, значения, истории и современного состояния. М.: Скоропечатня товарищества А. А. Левенсон, 1893. 192 с.
55. *Фойницкий И. Я.* Ссылка на Западе в ее историческом развитии и современном состоянии. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1881. 351 с.
56. *Фойницкий И. Я.* Учение о наказании в связи с тюремоведением. СПб.: Типография Министерства путей сообщения (А. Бенке), 1889. 504 с.
57. *Фрейд З.* Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии. СПб.: Алетейя, 1997. 221 с.
58. *Харузин Н. Н.* Очерки первобытного права. I. Семья и род. М.: Изд-во книж. магазина Гросман и Кнебель, 1898. 179 с.
59. *Чельцов-Бебутов М. А.* Преступление и наказание в истории и в советском праве. Харьков: Изд-во НКЮ УССР, 1925. 111 с.
60. *Черри Р. Р.* Развитие карательной власти в древних общинах. СПб.: Сенатская типография, 1907. 111 с.
61. *Шалапин С. О.* Религиозно-доктринальные основания пенитенциарной практики в византийском и древнерусском праве // Актуальные проблемы правовой науки: сборник научных трудов юридического факультета. Вып. 1. Архангельск: Изд-во ПГУ им. М. В. Ломоносова, 2000. С. 23–32.
62. *Шаргородский М. Д.* Наказание по уголовному праву: в 2-х т. Т. 1: Наказание по уголовному праву эксплуататорского общества. М.: Изд-во юрид. лит., 1957. 304 с.
63. *Шепталин А. А.* Генезис и эволюция института наказания в первобытном обществе // Человек: преступление и наказание. 2019. Т. 27, № 2. С. 169–189. DOI: 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).2.169-189.
64. *Штрайт Й.* Дело не только в наказании. М.: Юрид. лит., 1978. 96 с.
65. *Beccaria C.* Traite des Delits et des Peines. Neuchatel, 1797. 332 p.
66. *Bentham J.* Theorie des Peines et des Recompenses. T. 2. Londres: Vogel et Schulze, 1811. 368 p.
67. *Bonnabel L.* Archéologie de la Mort en France. Paris: La Découverte, 2012. 173 p.
68. *Buggle F.* Denn Sie Wissen Nicht, Was Sie Glauben. Oder Warum Man Redlicherweise Nicht Mehr Christ Sein Kann. Eine Streitschrift. Hamburg: Rowohlt, 1992. 461 p.
69. *Robinson P. H.* Crime, Punishment and Prevention // The Public Interest. 2001. Issue 142. Pp. 61–71.
70. *Robinson P. H.* Reforming the Federal Criminal Code and the Model Penal Code: A Top Ten // Buffalo Criminal Law Review. 1997. Vol. 1. Issue 1. Pp. 225–271.
71. *Ruddell R., Winfree L. T.* Setting Aside Criminal Convictions in Canada: A Successful Approach to Offender Reintegration // The Prison Journal. 2006. Vol. 84. Issue 4. Pp. 452–469. DOI: 10.1177/0032885506293251.
72. *Semple J.* Bentham's Prison. A Study of the Panopticon Penitentiary. Oxford: Clarendon Press, 1993. 344 p.
73. *Skogan W. G.* Community Organizations and Crime // Crime and Justice. 1988. Issue 10. Pp. 39–78. DOI: 10.1086/449143.
74. *Smilansky S.* The Time to Punish // Analysis. 1994. Vol. 54. Issue 1. Pp. 50–53. DOI: 10.1093/analysis/54.1.50.
75. *Spitzer S.* Punishment and Social Organization: A Study of Durkheim's Theory of Penal Evolution // Law & Society Review. 1975. Vol. 9. Issue 4. Pp. 613–638. DOI: 10.2307/3053341.
76. *Super G.* Punitive Welfare on the Margins of the State: Narratives of Punishment and (In)Justice in Masiphumelele // Social & Legal Studies. 2020. Vol. 30. Issue 1. Pp. 426–447. DOI: 10.1177/0964663920924764.
77. *Sutherland E.* Criminology. Philadelphia: J.B. Lippincott, 1924. 643 p.
78. *Toby J.* Is Punishment Necessary? // The Journal of Criminal Law, Criminology and Police Science. 1964. Vol. 55. Issue 3. Pp. 332–337. DOI: 10.2307/1141213.
79. *Tonry M.* Crime and Punishment in America // The Handbook of Crime and Punishment. N. Y.: Oxford University Press, 2000. Pp. 3–27.
80. *Van Zyl Smit D., Snacken S.* Principles of European Prison Law and Policy: Penology and Human Rights // British Journal of Criminology. 2010. Vol. 50. Issue 3. Pp. 613–615. DOI: 10.1093/bjc/azq017.
81. *Will G. F.* The Value of Punishment // Newsweek. 1982. May 24. Issue 21. Pp. 20.
82. *Wood D.* Punishment: Consequentialism // Philosophy Compass. 2010. Vol. 5. Issue 6. Pp. 455–469. DOI: 10.1111/j.1747-9991.2010.00287.x.
83. *Yang S.* Kant's Theory of Punishment in a Canadian Setting // Queen's Law Journal. 1977. Issue 22. Pp. 347–388.
84. *Zimmerman M.* The Immorality of Punishment. Buffalo, N.Y.: Broadview Press, 2011. 183 p.

References

1. Alekseev S. S. *O ponyatii prava* [On the Concept of Law]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie* – Proceedings of Higher Educational Institutions. Pravovedenie. 1970. Issue 1. Pp. 20–29. (In Russ.).
2. Alekseev S. S. *Pravo na poroge novogo tysyachetletiya: nekotorye tendentsii mirovogo pravovogo razvitiya – nadezhda i drama sovremennoy epokhi* [Law on the Threshold of the New Millennium: Some Trends in the World Legal Development as a Hope and Drama of the Modern Era]. Moscow, 2000. 255 p. (In Russ.).
3. Alikperov Kh. D. *Neizvedannye grani nakazaniya i tayny ego bytiya («Uchenie o nechelovekotvornosti nakazaniya»)* [Unexplored Facets of Punishment and the Secrets of Its Existence ('The Doctrine of the Non-Human Nature of Punishment')]. St. Petersburg, 2020. 105 p. (In Russ.).
4. Antonyan Yu. M. *Prestupnost' v pervobytnom obshchestve* [Crime in Primitive Society]. *Vestnik RGGU. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo* – RSUH/RGGU Bulletin. 'Economics. Management. Law' Series. 2019. Issue 3. Pp. 119–131. DOI: 10.28995/2073-6304-2019-3-119-131. (In Russ.).
5. Apresyan R. G. *Talion: ego vospriyatie i vidozmeneniya v khristianstve i islame* [Talion: Its Perception and Modifications in Christianity and Islam]. *Sravnitel'naya filosofiya: moral'naya filosofiya v kontekste mnogoobraziya kul'tur. Materialy Pervoy moskovskoy mezhdunarodnoy konferentsii* [Comparative Philosophy: Moral Philosophy in the Context of Cultural Diversity: Proceedings of the First Moscow International Conference]. Moscow, 2004. Pp. 221–229. (In Russ.).
6. Apresyan R. G. *Talion i zolotoe pravilo: kriticheskii analiz sopryazhennykh kontekstov* [Talion and the Golden Rule: a Critical Analysis of Conjugate Contexts]. *Voprosy filosofi* – Questions of Philosophy. 2001. Issue 3. Pp. 72–84. (In Russ.).
7. Beccaria C. *O prestupleniyakh i nakazaniyakh* [On Crimes and Punishments]. Moscow, 2004. 184 p. (In Russ.).
8. Belogritys-Kotlyarevskiy L. S. *Uchebnik russkogo ugovnogo prava. Obshchaya i osobennaya chasti* [Textbook on Russian Criminal Law. General and Special Parts]. Kiev, 1903. 618 p. (In Russ.).
9. Binding K. *O proiskhozhdenii publichnogo nakazaniya v germano-nemetskom prave* [On the Origin of Public Punishment in German Law]. *Novye idei v pravovedenii. Sbornik 3: Evolyutsiya prestupleniy i nakazaniy* [New Ideas in Jurisprudence. Collection 3: The Evolution of Crimes and Punishments]. St. Petersburg, 1914. Pp. 81–112. (In Russ.).
10. Vasil'eva S. A. *Ideologiya kvakerov i vozniknovenie filadelfiyskoy sistemy tyuremnogo sodержaniya* [The Quakers' Ideology and the Emergence of the Philadelphia Prison System]. *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S. A. Esenina* – The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin. 2015. Issue 4. Pp. 64–74. (In Russ.).
11. Vishnyatskiy L. B. *Vooruzhennoe nasilie v paleolite* [Armed Violence in the Paleolithic]. *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaya antropologiya* – Stratum Plus. Archaeology and Cultural Anthropology. 2014. Issue 1. Pp. 311–332. (In Russ.).
12. Vladimirov L. E. *Ugolovnyy zakonodatel' kak vospitatel' naroda* [Criminal Legislator as an Educator of the People]. Moscow, 1903. 244 p. (In Russ.).
13. Georgievskiy E. V. *K voprosu o kharaktere i stepeni konfliktnosti v pervobytnom stade* [On the Nature and Degree of Conflict in a Primitive Herd]. *Sibirskiy yuridicheskiy vestnik* – Siberian Law Herald. 2005. Issue 3. Pp. 50–54. (In Russ.).
14. Gernet M. N. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow, 1974. 637 p. (In Russ.).
15. Gilinskiy Ya. I. *Ispolnenie nakazaniya v sisteme sotsial'nogo kontrolya nad prestupnost'yu* [Execution of Punishment in the System of Social Control over Crime]. *Zakon* – Law. 2012. Issue 9. Pp. 117–128. (In Russ.).
16. Howard G. *Kostromskoy remeslenny priyut dlya maloletnikh prestupnikov (po otchetu za 1894 god)* [Kostroma Handicraft Shelter for Juvenile Delinquents (According to the Report for 1894)]. *Zhurnal Ministerstva yustitsii* – Journal of the Ministry of Justice. 1895. Issue 9. Pp. 174–176. (In Russ.).
17. Gogel S. K. *Kurs ugovnoy politiki v svyazi s ugovnoy sotsiologiyey* [The Course on the Criminal Policy in Connection with Criminal Sociology]. Moscow, 2014. 386 p. (In Russ.).
18. Holtzendorff F. *Irlandskaya tyuremnaya sistema, v osobennosti perekhodnye zavedeniya, do otpushcheniya arestantov na svobodu* [The Irish Convict System: More Especially Intermediate Prisons, Until the Release of Prisoners]. St. Petersburg, 1864. 130 p. (In Russ.).
19. Guseynov A. A. *Sotsial'naya priroda npravstvennosti* [The Social Nature of Morality]. Moscow, 1974. 157 p. (In Russ.).
20. Esipov V. V. *Prestuplenie i nakazanie v drevnem prave* [Crime and Punishment in Ancient Law]. Warsaw, 1903. 61 p. (In Russ.).
21. Zvizzhova O. Yu. *Pervobytnaya prestupnost'* [Primitive Crime]. *Obshchestvo i pravo* – Society and Law. 2010. Issue 4. Pp. 214–220. (In Russ.).
22. Inshakov S. M. *Zarubezhnaya kriminologiya* [Foreign Criminology]: a study guide. Moscow, 2003. 383 p. (In Russ.).
23. Karpets I. I. *Nakazanie. Sotsial'nye, pravovye i kriminologicheskie problemy* [Punishment. Social, Legal and Criminological Problems]. Moscow, 1973. 287 p. (In Russ.).
24. Karpets I. I. *Ugolovnoe pravo i etika* [Criminal Law and Ethics]. Moscow, 1985. 256 p. (In Russ.).
25. Kistyakovskiy A. F. *Issledovanie o smertnoy kazni* [Research on the Death Penalty]. Tula, 2000. 272 p. (In Russ.).

26. Kistyakovskiy A. F. *Molodye prestupniki i uchrezhdeniya dlya ikh ispravleniya* [Young Criminals and Institutions for Their Correction]. Kiev, 1878. 232 p. (In Russ.).
27. Kistyakovskiy A. F. *Elementarnyy uchebnykh obshchego ugolovnoogo prava s podrobnym izlozheniem nachal russkogo ugolovnoogo zakonodatel'stva. Chast' obshchaya* [Elementary Textbook on General Criminal Law with a Detailed Description of the Principles of Russian Criminal Law. General Part]. Kiev, 1891. 892 p. (In Russ.).
28. Kovalev M. I. *Puti povysheniya effektivnosti kriminologicheskikh issledovaniy* [Ways to Increase the Effectiveness of Criminological Research]. *Voprosy effektivnosti ugolovno-pravovykh norm: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov* [Questions of the Effectiveness of Criminal Law Norms]: an interuniversity collection of scientific papers]. Sverdlovsk, 1978. Issue 66. Pp. 5–13. (In Russ.).
29. Kozachenko I. Ya., Korsakov K. V., Leshchenko V. G. *Tserkovno-religioznoe vozdeystvie na osuzhdennykh k lisheniyu svobody* [Church-Religious Influence on Those Sentenced to Imprisonment]. Saarbrücken, 2012. 256 p. (In Russ.).
30. Korsakov K. V. *Vosstanovitel'naya yustitsiya kak al'ternativa traditsionnomu ugolovnomu pravosudiyu* [Restorative Justice as an Alternative to Traditional Criminal Justice]. *Viktimologiya – Victimology*. 2018. Issue 3. Pp. 29–35. (In Russ.).
31. Korsakov K. V. *Effektivnost' ugolovnogo nakazaniya i al'ternativnykh mer vozdeystviya na prestupnikov: sravnitel'no-pravovoy analiz* [Effectiveness of Criminal Punishment and Alternative Measures of Influence on Criminals: Comparative-Legal Analysis]. *Rossiyskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka – Russian Law: Education, Practice, Researches*. 2018. Issue 2. Pp. 28–34. (In Russ.).
32. Kosven M. O. *Prestuplenie i nakazanie v dogosudarstvennom obshchestve* [Crime and Punishment in Pre-State Society]. Moscow; Leningrad, 1925. 140 p. (In Russ.).
33. Kychanov E. I. *Osnovy srednevekovogo kitayskogo prava (VII-XIII vv.)*. [Fundamentals of Medieval Chinese Law (7th-13th Centuries)]. Moscow, 1986. 264 p. (In Russ.).
34. Lafargue P. *Proiskhozhdenie idei spravedlivosti* [The Origin of the Idea of Justice]. *Marksizm i etika* [Marxism and Ethics]: a collection of articles. Kiev, 1925. Pp. 35–62. (In Russ.).
35. Linovskiy V. A. *Issledovanie nachal ugolovnoogo prava, izlozhennykh v Ulozhenii tsarya Alekseya Mikhaylovicha* [The Study of the Principles of Criminal Law Set Forth in the Code of Tsar Alexei Mikhailovich]. Odessa, 1847. 149 p. (In Russ.).
36. Mal'tsev G. V. *Sotsial'naya spravedlivost' i pravo* [Social Justice and Law]. Moscow, 1977. 255 p. (In Russ.).
37. Matskevich I. M. *Portrety znamenitnykh prestupnikov* [Portraits of Famous Criminals]. Moscow, 2005. 414 p. (In Russ.).
38. Mittermaier C. J. A. *Smertnaya kazn' po rezul'tatam nauchnykh issledovaniy, uspekhev zakonodatel'stva i opytov* [Death Penalty Based on the Results of Scientific Research, Successes of Legislation and Experiments]. St. Petersburg, 1864. 170 p. (In Russ.).
39. Morgan L. H. *Drevnee obshchestvo ili issledovanie liniy chelovecheskogo progressa cherez varvarstvo i tsivilizatsii* [Ancient Society, or Researches in the Lines of Human Progress from Savagery, Through Barbarism to Civilization]. Leningrad, 1934. 350 p. (In Russ.).
40. Maine H. S. *Drevnee pravo, ego svyaz' s drevney istoriey obshchestva i ego otnoshenie k noveyshim ideyam* [Ancient Law: Its Connection with the Early History of Society, and Its Relation to Modern Ideas]. St. Petersburg, 1873. 312 p. (In Russ.).
41. Nietzsche F. *Po tu storonu dobra i zla. K genealogii morali* [Beyond Good and Evil. On the Genealogy of Morality]. Minsk, 1992. 333 p. (In Russ.).
42. Oppenheimer H. *Istoricheskoe issledovanie o proiskhozhdenii nakazaniya* [Historical Inquiry into the Origin of Punishment]. *Novye idei v pravovedenii. Sbornik 3: Evolyutsiya prestupleniy i nakazaniy* [New Ideas in Jurisprudence. Collection 3: The Evolution of Crimes and Punishments]. St. Petersburg, 1914. Pp. 1–80. (In Russ.).
43. Oranzhireev N. D. *Prestuplenie i nakazanie v matematicheskoy zavisimosti: ideya i skhema ee primeneniya* [Crime and Punishment in Mathematical Dependence: the Idea and Scheme of Its Application]. Moscow, 1916. 69 p. (In Russ.).
44. Osipov A. I. *Put' razuma v poiskakh istiny* [The Path of Reason in Search for Truth]. Moscow, 2002. 430 p. (In Russ.).
45. Pashukanis E. B. *Izbrannye proizvedeniya po obshchey teorii prava i gosudarstva* [Selected Works on the General Theory of Law and State]. Moscow, 1980. 271 p. (In Russ.).
46. Pozdnyakov E. A. *Filosofiya prestupleniya. Dlya tekh, kto ne boitsya poteryat' illyuzii* [Philosophy of Crime. For Those Who Are Not Afraid to Lose Their Illusions]. Moscow, 2001. 575 p. (In Russ.).
47. Porshnev B. F. *O nachale chelovecheskoy istorii (problemy paleopsikhologii)* [On the Beginning of Human History (Problems of Paleopsychology)]. Moscow, 1974. 488 p. (In Russ.).
48. Pyatnitskiy B. I. *Polovye izvrashcheniya i ugolovnoe pravo* [Sexual Perversions and Criminal Law]. Mogilev, 1910. 93 p. (In Russ.).
49. Ragimov I. M. *Filosofiya prestupleniya i nakazaniya* [Philosophy of Crime and Punishment]. St. Petersburg, 2013. 288 p. (In Russ.).
50. Rulan N. *Yuridicheskaya antropologiya* [Legal Anthropology]: a textbook. Moscow, 2000. 301 p. (In Russ.).
51. Suvorov N. S. *O tserkovnykh nakazaniyakh. Issledovaniya po tserkovnomu pravu* [On Church Punishments. Studies on Church Law]. St. Petersburg, 1876. 346 p. (In Russ.).
52. Tagantsev N. S. *Russkoe ugolovnoe pravo. Chast' obshchaya* [Russian Criminal Law. General Part]: lectures. St. Petersburg, 1902. Vol. 1. 815 p. (In Russ.).

53. Tarde G. *Prestupnik i prestuplenie. Sravnitel'naya prestupnost'. Prestupleniya tolpy* [A Criminal and Crime. Comparative Crime. Crimes of the Crowd]. Moscow, 2004. 391 p. (In Russ.).
54. Feldstein G. S. *Ssylka. Ocherki ee genezisa, znacheniya, istorii i sovremennogo sostoyaniya* [Exile. Essays on Its Genesis, Significance, History and Current State]. Moscow, 1893. 192 p. (In Russ.).
55. Foynitskiy I. Ya. *Ssylka na Zapade v ee istoricheskom razviti i sovremennom sostoyanii* [Exile in the West in Its Historical Development and Current State]. St. Petersburg, 1881. 351 p. (In Russ.).
56. Foynitskiy I. Ya. *Uchenie o nakazanii v svyazi s tyur'movedeniem* [Doctrine of Punishment in Connection with Prison Studies]. St. Petersburg, 1889. 504 p. (In Russ.).
57. Freud S. *Totem i tabu. Psikhologiya pervobytnoy kul'tury i religii* [Totem and Taboo. Psychology of Primitive Culture and Religion]. St. Petersburg, 1997. 221 p. (In Russ.).
58. Kharuzin N. N. *Ocherki pervobytnogo prava. 1 (Sem'ya i rod)* [Essays on Primitive Law. 1 (Family and Genus)]. Moscow, 1898. 179 p. (In Russ.).
59. Chel'tsov-Bebutov M. A. *Prestuplenie i nakazanie v istorii i v sovetskom prave* [Crime and Punishment in History and in Soviet Law]. Kharkov, 1925. 111 p. (In Russ.).
60. Cherry R. R. *Razvitie karatel'noy vlasti v drevnikh obshchinakh* [Lectures on the Growth of Criminal Law in Ancient Communities]. St. Petersburg, 1907. 111 p. (In Russ.).
61. Shalyapin S. O. *Religiozno-doktrinal'nye osnovaniya penitentsiarnoy praktiki v vizantiyskom i drevnerusskom prave* [Religious and Doctrinal Foundations of Penitentiary Practice in Byzantine and Old Russian Law]. Aktual'nye problemy pravovoy nauki: sbornik nauchnykh trudov yuridicheskogo fakul'teta [Current Problems of Legal Science: Collection of Scientific Papers of the Faculty of Law]. Arkhangelsk, 2000. Issue 1. Pp. 23–32. (In Russ.).
62. Shargorodskiy M. D. *Nakazanie po ugovnomu pravu* [Punishment in Criminal Law]: in 2 vols. Vol. 1. *Nakazanie po ugovnomu pravu ekspluatatorskogo obshchestva* [Punishment Under Criminal Law of an Exploitative Society]. Moscow, 1957. 304 p. (In Russ.).
63. Sheptalin A. A. *Genezis i evolyutsiya instituta nakazaniya v pervobytnom obshchestve* [Genesis and Evolution of the Institution of Punishment in Primitive Society]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie* – Man: Crime and Punishment. 2019. Vol. 27. Issue 2. Pp. 169–189. DOI: 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).2. (In Russ.).
64. Streit J. *Delo ne tol'ko v nakazanii* [It's Not Just About Punishment]. Moscow, 1978. 96 p. (In Russ.).
65. Beccaria C. *Traite des Delits et des Peines*. Neuchatel, 1797. 332 p. (In Fr.).
66. Bentham J. *Theorie des Peines et des Recompenses*. Londres: Vogel et Schulze, 1811. Vol. 2. 368 p. (In Fr.).
67. Bonnabel L. *Archéologie de la Mort en France*. Paris: La Découverte, 2012. 173 p. (In Fr.).
68. Buggle F. *Denn Sie Wissen Nicht, Was Sie Glauben. Oder Warum Man Redlicher Weise Nicht Mehr Christ Sein Kann. Eine Streitschrift*. Hamburg: Rowohlt, 1992. 461 p. (In Germ.).
69. Robinson P. H. *Crime, Punishment and Prevention. The Public Interest*. 2001. Issue 142. Pp. 61–71. (In Eng.).
70. Robinson P. H. *Reforming the Federal Criminal Code and the Model Penal Code: A Top Ten. Buffalo Criminal Law Review*. 1997. Vol. 1. Issue 1. Pp. 225–271. (In Eng.).
71. Ruddell R., Winfree L. T. *Setting Aside Criminal Convictions in Canada: A Successful Approach to Offender Reintegration. The Prison Journal*. 2006. Vol. 84. Issue 4. Pp. 452–469. DOI: 10.1177/0032885506293251. (In Eng.).
72. Semple J. *Bentham's Prison. A Study of the Panopticon Penitentiary*. Oxford: Clarendon Press, 1993. 344 p. (In Eng.).
73. Skogan W. G. *Community Organizations and Crime. Crime and Justice*. 1988. Issue 10. Pp. 39–78. DOI: 10.1086/449143. (In Eng.).
74. Smilansky S. *The Time to Punish. Analysis*. 1994. Vol. 54. Issue 1. Pp. 50–53. DOI: 10.1093/analys/54.1.50. (In Eng.).
75. Spitzer S. *Punishment and Social Organization: A Study of Durkheim's Theory of Penal Evolution. Law & Society Review*. 1975. Vol. 9. Issue 4. Pp. 613–638. DOI: 10.2307/3053341. (In Eng.).
76. Super G. *Punitive Welfare on the Margins of the State: Narratives of Punishment and (In)Justice in Massachusetts. Social & Legal Studies*. 2020. Vol. 30. Issue 1. Pp. 426–447. DOI: 10.1177/0964663920924764. (In Eng.).
77. Sutherland E. *Criminology*. Philadelphia: J. B. Lippincott, 1924. 643 p. (In Eng.).
78. Toby J. *Is Punishment Necessary? The Journal of Criminal Law, Criminology and Police Science*. 1964. Vol. 55. Issue 3. Pp. 332–337. DOI: 10.2307/1141213. (In Eng.).
79. Tonry M. *Crime and Punishment in America. The Handbook of Crime and Punishment*. New York: Oxford University Press, 2000. Pp. 3–27. (In Eng.).
80. Van Zyl Smit D., Snacken S. *Principles of European Prison Law and Policy: Penology and Human Rights. British Journal of Criminology*. 2010. Vol. 50. Issue 3. Pp. 613–615. DOI: 10.1093/bjc/azq017. (In Eng.).
81. Will G. F. *The Value of Punishment. Newsweek*. 1982, May 24. Issue 21. p. 20. (In Eng.).
82. Wood D. *Punishment: Consequentialism. Philosophy Compass*. 2010. Vol. 5. Issue 6. Pp. 455–469. DOI: 10.1111/j.1747-9991.2010.00287.x. (In Eng.).
83. Yang S. *Kant's Theory of Punishment in a Canadian Setting. Queen's Law Journal*. 1977. Issue 22. Pp. 347–388. (In Eng.).
84. Zimmerman M. *The Immorality of Punishment*. Buffalo, N. Y.: Broadview Press, 2011. 183 p. (In Eng.).

Информация об авторе:

К. В. Корсаков

Кандидат юридических наук, доцент,
старший научный сотрудник отдела права
Институт философии и права УрО РАН
620137, Россия, г. Екатеринбург,
ул. Софьи Ковалевской, 16

ORCID: 0000-0002-2967-9884

ResearcherID: K-2370-2018

Статьи в БД «Scopus» / «Web of Science»:

DOI: 10.17223/18572685/50/13

DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(3).455-464

DOI: 10.17759/psylaw.2020100308

DOI: 10.17223/18572685/64/4

DOI: 10.17506/articles.anticorruption.2018.740752

DOI: 10.17223/15617793/468/29

DOI: 10.17759/psylaw.2022120109

DOI: 10.17223/18572685/68/4

DOI: 10.31857/S102694520022614-6

DOI: 10.17223/15617793/489/22

About the author:

K. V. Korsakov

Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of
the Russian Academy of Sciences
16, Sof'i Kovalevskoy st., Yekaterinburg, 620137,
Russia

ORCID: 0000-0002-2967-9884

ResearcherID: K-2370-2018

Articles in Scopus / Web of Science:

DOI: 10.17223/18572685/50/13

DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(3).455-464

DOI: 10.17759/psylaw.2020100308

DOI: 10.17223/18572685/64/4

DOI: 10.17506/articles.anticorruption.2018.740752

DOI: 10.17223/15617793/468/29

DOI: 10.17759/psylaw.2022120109

DOI: 10.17223/18572685/68/4

DOI: 10.31857/S102694520022614-6

DOI: 10.17223/15617793/489/22